БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Вып. 15

сб
Б75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ПЯТНАДЦАТЫЙ

83745

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

*Свердловское Областное
Государственное Издательство
1952*

Будь готов!

М. Прилежаева

«Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей обещаю, что буду твёрдо стоять за дело Ленина — Сталина...»

Помнишь, пионер, как сильно билось в твоей груди сердце, когда ты произносил эти торжественные слова? Ты поднял руку, отдал пионерский салют. Ты поклялся.

Светило ли яркое весеннее солнце в ту пору или в небе клубились осенние тучи, ты не забудешь этого памятного, единственного дня. С него началась твоя новая жизнь.

«Буду твёрдо стоять за дело Ленина — Сталина!» — так думал, чувствовал, верил и жил пионер Павлик Морозов. Он сильно и горячо любил нашу Родину. Обыкновенный советский мальчик, похожий на многих из вас, любивший, как вы, сказки и книги и синий лес за околицей родного села. Пионерская клятва родила в мальчике мужество. Павлик Морозов бесстрашно разоблачил

кулаков, врагов Родины, и был из мести ими погублен. Ваш брат и товарищ — герой.

Много героев вырастила дружная пионерская ваша семья!

Керченский мальчик Володя Дубинин, выходя на разведку в логово фашистских захватчиков, крепко помнил: я — пионер Советской страны! И его силы мужали.

Киевский пионер Костя Кравчук, презрев угрозу смерти и пыток в фашистском застенке, сберёг боевые знамёна двух советских полков. Когда Советская Армия вышвырнула фашистов из города, пионер отдал бойцам эти знамёна. Они были алы, как галстук на груди пионера — символ чести и доблести. И пионер, как солдат, защищающий Родину, награждён был за подвиг орденом Боевого Красного Знамени.

Много подвигов, прекрасных и смелых, на счету пионерской организации. Она достойно носит имя великого Ленина. Она славно прожила тридцать лет. Она велика — в её рядах 19 миллионов советских школьников.

Один из них — ты!

Родина лелеет и бережёт твоё детство. Как ты служишь ей, пионер?

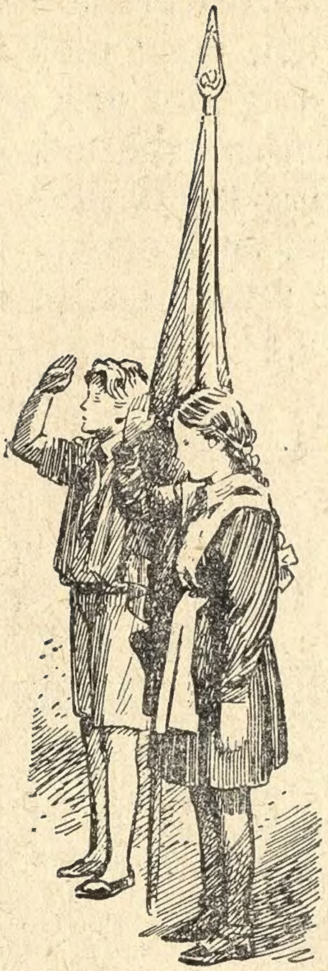
Если ты имеешь право гордиться табелем, в котором стоят оценки твоей годовой работы,— значит ты выполнил самый важный долг.

«Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо»,— говорит товарищ Сталин всем нам — взрослым, юношам, детям. А ведь ты мечтаешь или строить такие красивые здания, как высотные дворцы нашей древней и вечно юной столицы, или водить по морям корабли, или сажать сады и леса, изобретать и творить!

Первый шаг к исполнению любой мечты, пионер,— твоё сегодняшнее ученье, твой сегодняшний труд, твоё сегодняшнее поведение в классе. Оглянись кругом: и если в классе на окнах цветы, и они выращены твоими руками, если на школьном дворе тянется вверх посаженный тобою дубок, если на планёрных соревно-

ваниях далеко, высоко летит твой планёр, завоевывая славу твоей пионерской дружине, если твой младший товарищ, когда ему трудно, идёт смело и свободно к тебе, зная, что всегда найдёт помощь,— то это значит: тебе в будущем под силу большие мечты и чувства, большие и большие дела. Расти! Запасайся знаниями, тренируй волю, мужество, силы. Перед тобой путь просторный и долгий. Ясен твой завтрашний день.

Будь готов, пионер!



Илья Даренский

КЛЯТВА ИЛЬИЧУ

К мавзолею Ленина
Подошёл с волнением
По широкой площади
Ленинцев отряд.

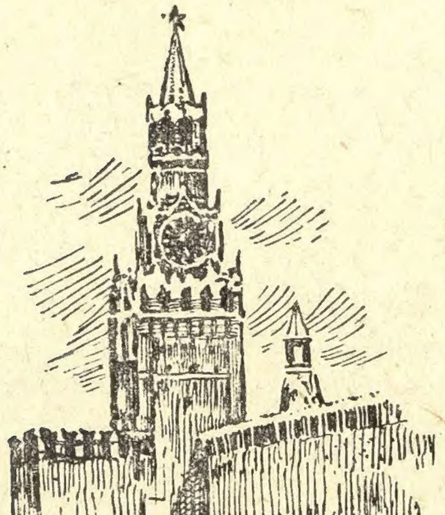
С мыслями о Ленине
Шаг они замедлили,
Стали вдруг серьёзными
Лица у ребят.

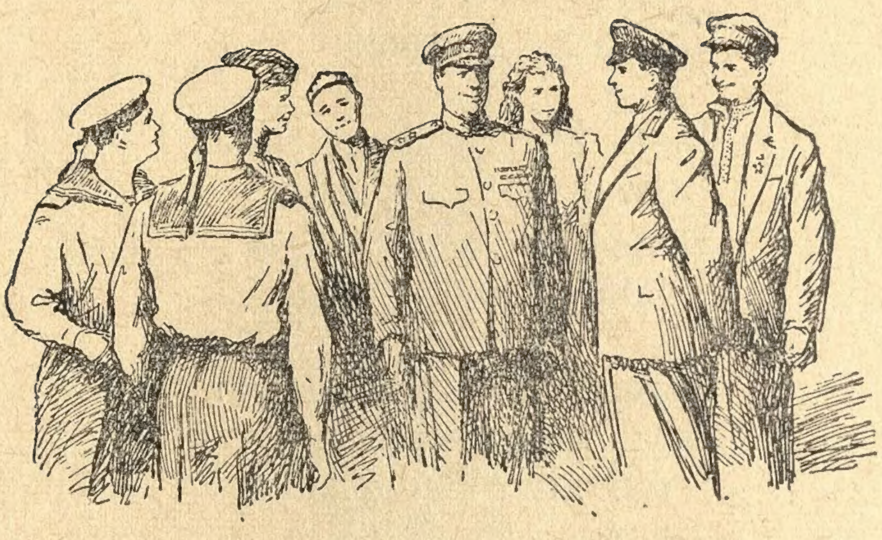
Под дружинным знаменем,
Что горело пламенем,
Клятву дали Ленину
Ленинцы в строю:

Быть всегда примерными,
Быть народу верными
И любить по-ленински
Родину свою.

Быть всегда правдивыми,
Быть трудолюбивыми,
Чтоб достойно звание
Ленинца нести.

И дорогой светлою,
Ленинской, заветною,
За любимым Сталиным
Смело в путь идти!





ПИОНЕРЫ

Сергей Михалков *Рисунки Н. Аристова*

Казалось, людям нет числа,
Так эта очередь росла!

Встал за колхозником солдат,
За ними — дипломат,
А там ещё чабан-казах
И мать с ребёнком на руках.
За ними встал моряк-герой
И подошёл второй,
Шахтёр за моряками встал,
А следом — генерал...

— Я помню: много лет назад
На Красной площади парад! —
Вдруг неожиданно сказал
Шахтёру генерал.

— Я помню этот день и час,
Здесь десять тысяч было нас,
Нас — юных ленинцев, ребят,
А с ними мой отряд.
С отрядом я пришёл сюда.
Я пионером был тогда!

— Товарищ генерал-майор! —
Сказал взволнованно шахтёр.
— Я тоже помню тот парад.
И десять тысяч тех ребят,
Среди которых были вы!
Все — школьники Москвы!
Товарищ Сталин слушал нас,
Я помню, как сейчас!
Я нашей клятвы не забыл,
Я пионером был!..

— Да! Много лет прошло
с тех пор! —
Вмешался третий в разговор.
— У нас два внука, например,
И каждый — пионер!
Нам надо воспитать мальцов
Не хуже дедов и отцов,
Нам наша власть на все дела,
Всё, что могла, дала!
Я сам в Хабаровске живу,
Сегодня прилетел в Москву
И в мавзолей войти хочу
С поклоном к Ильичу!..

Подходит вновь и вновь народ,
Становится в черёд.
Так, вереницей целый день
Идут из деревень,

Идут из разных городов,
С аэродромов,
с поездов —
Простые граждане страны,
Что делу Ленина верны!
Да!
Может Сталин в трудный час
Всегда рассчитывать на нас!

Я принят в пионеры

Ефим Ружанский

Рисунок Е. Гилёвой

Частенько так бывало:
Встаю я поутру,
Сестрёнкин галстук глаженый
Тихонечко беру.

У зеркала немало
Приходится стоять,
Чтоб галстук пионерский,
Как надо завязать.

Он мне к лицу.
К нему я
Совсем уже привык...
Но вдруг встаёт сестрёнка
И поднимает крик:

— Ну, что это такое?
Опять чуть свет ты встал,
Опять мой галстук глаженый
Совсем, малыш, измял!..

Что я сестре отвечу.
Она права. Молчу.

Но только поскорее
Я вырасти хочу,

Чтобы пойти мне в школу,
В учёбе первым быть,
Чтоб в пионерский ленинский
Отряд скорей вступить....

С тех пор прошло два года.
Я пионером стал,
Когда Великий Сталин нам
Приветствие прислал.

Вожатый говорил мне:
— Ты юный пионер.
Жизнь Ленина и Сталина —
Вот для тебя пример.

Учись, чтоб стать Отчизне
Защитой от врагов! —
И я всему отряду
Сказал:
— Всегда готов!

Вожатый пред отрядом
Мне галстук завязал,
Хоть как его завязывать
Уже я раньше знал...

Я принят в пионеры!
(Друзей моих не счесть.)
Вы знаете, ребята,
Какая это честь!

☆

МАЛЬЧИК ИЗ УРАЛЬСКОЙ ТАЙГИ

Н. Тимофеева
Рисунки В. Васильева

«Память о нём не должна исчезнуть...»

М. Горький.

Был тёплый весенний вечер. На берегу маленькой таёжной речушки, на опушке леса, горел костёр. Розовые отблески пламени освещали возбуждённые лица сидящих вокруг костра мальчиков и девочек.

— Очередной сбор герасимовского отряда юных пионеров объявляю открытым! — произнёс черноволосый приземистый мальчуган. — К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

Пионеры, сидящие у костра, поднялись, гордо прозвучали торжественные слова:

— Всегда готовы!

Долго горел в тот вечер костёр. Черноволосый мальчуган говорил о великой чести носить звание юных ленинцев, о смелости и настойчивости в достижении цели, о том, что пионер никогда не должен падать духом и не отказываться от дела, пускай самого маленького, самого простого.

— Владимир Ильич завещал нам дружно жить и работать и не теряться ни при каких условиях,— говорил мальчуган.— Мы носим красные галстуки... Они пропитаны кровью наших старших братьев и сестёр... Так будем же с честью носить эти галстуки, будем крепко держать в руках красное знамя коммунизма!..

Снова, как один, поднялись пионеры и торжественно поклялись на верность народу священными словами:

— Всегда готовы!

— А теперь песню, Паша, давай споём...

Над синей притихшей рекой понеслась легкая стремительная песня. Среди зелени весело развевался на выструганном шесте алый пионерский флажок...

Это было 23 мая 1932 года. Пионеры села Герасимовки вместе с пионерами всей страны отмечали пионерский юбилей — 10 лет со дня организации первого пионерского отряда...

А через несколько месяцев после этого по всей стране разнеслась весть о зверском убийстве герасимовскими кулаками пионера Павлика Морозова, проявившего стойкость и непримиримость в борьбе с врагами.

Имя Павлика Морозова — председателя совета герасимовского пионерского отряда — стало известно всему советскому народу.

Отважный пионер вписал яркую страницу в пионерскую летопись.

То, что совершил он, мог совершить только человек, безгранично любящий свою Родину.

...20 лет назад Герасимовка была глухой таёжной деревней. Со всех сторон её окружали непроходимые леса и болота. Дорогу загромождали пни да коряги.

Едва ли кто хуже жил в деревне, чем семья Морозовых. Отец Павлика — Трофим Морозов — был слабохарактерным человеком, и герасимовские кулаки, среди которых оказался и дед Морозов, сговорились и избрали Трофима председателем сельского совета. Они часто приглашали его в гости, поили вином, подкупали. Трофим совсем забросил свое хозяйство и сельсоветские дела.

Павлику самому приходилось выполнять все работы по дому, следить за скотом, бывать в поле. Однажды ночью он стал свидетелем торгашеской сделки отца с неизвестным человеком. Незнакомец просил справку о том, что он будто бы бедняк, совал в руки Трофима деньги, вытащил из кармана бутылку с вином. И Трофим продал такую справку...

То, что произошло на глазах у поражённого мальчика, было до боли страшно и непонятно... Неужели отец, родной отец, которому ты верил больше всех на свете, которым ты хотел бы гордиться перед товарищами, оказался изменником и предателем? Неужели решил он обмануть государство, советскую власть, народ?

Ещё совсем недавно мечтал Павлик о том времени, когда вместе с отцом будет в одних рядах борцов за лучшее будущее, имя которому — коммунизм. Вместе с отцом хотел пройти он трудный, но славный путь к коммунизму, увидеть, как всё больше и больше загорается электрических огней в колхозных домах...

Но отец оказался в лагере врагов. Выдавая кулакам подложные документы, Трофим Морозов помогал им скрываться и незаметно вредить Родине.

И двенадцатилетний мальчуган с алым галстуком на груди решился на отважный поступок. Смело рассказал он уполномоченному райкома партии о преступлении отца. Долг советского гражданина, честь пионерского галстука заставили Павлика сделать это.

Клятва, данная при вступлении в пионерскую организацию, вела на подвиг...

— Я говорю здесь не как сын,— сказал Павлик на суде,— а как пионер. Мой отец продался кулакам, дружит с ними и вредит нашему государству...

В поступке Павлика ярко раскрылись высокие моральные качества советского пионера. Каким большим и глубоким оказался его душевный мир, каким благородным — нравственный облик!..

После того, как суд приговорил Трофима Морозова к 10 годам тюремного заключения, кулаки во главе с дедом Морозовым со злобой угрожали отважному пионеру жестокой расправой. Но вера в будущее придавала силу, делали несгибаемым юного коммуниста. Павлик горячо любил советскую власть. Он знал, что она заботится о трудовом крестьянстве, и помогал коммунистам и комсомольцам в трудной работе по созданию колхоза.

Свою веру в будущее он старался передать товарищам, учил ребят самостоятельности, воспитывал в них уважение к труду. Это был настоящий вожак своих сверстников. Он был всегда ласковым со всеми, весёлым. И учился Павлик хорошо: ведь пионер должен быть во всём примером для остальных ребят и, прежде всего, в учёбе.

Без Павлика не обходилась ни одна забава и игра. Товарищи видели в нём верного друга, подражали ему во всём, старались заслужить его доверие и уважение, боялись уронить себя в его глазах.

Когда кулаки отказались сдавать излишки хлеба государству, попрятали его в амбарах и ямах, на воротах деда Морозова и Кулукановых появились гневные надписи: «Здесь живут злостные зажимщики хлеба». Надписи сделали герасимовские пионеры.

Пришлось кулакам свезти хлеб в Тавду. Но с этого времени они ещё больше возненавидели неспокойного Павла Морозова. Все чаще и чаще стали шептаться между собой двоюродный брат Павлика — Данилка и дед Морозов. А 3 сентября они жестоко распра-

вились с мальчиком. С Павликом погиб младший брат Федя. Кулаки не просто убили их, а зверски замучили. Они думали, что запугают этим других ребят, но просчитались.

В ответ на убийство братьев Морозовых тысячи деревенских ребят вступили в пионерские отряды. Не боясь, что и их могут

г. Свердловск

убить, школьники смело надевали пионерские галстуки и с гордостью носили их. Они давали клятву до последней капли крови бороться за дело Ленина — Сталина.

В деревне Герасимовке сразу же организовался колхоз.

Похоронили братьев Морозовых на том месте, где они были убиты. На похороны собралось всё население Тавдинского района.

Павлик Морозов был настоящим пионером-ленинцем. Он не пожалел жизни своей, защищая от врагов народа свою родную власть, своё народное добро. Мы гордимся его смелым поступком.

Подвиг юного патриота, самоотверженно преданного Родине, послужил примером для многих поколений советских детей. Как и Павлик, они учатся верности своей Родине.

В пионерской организации росли и растут достойные наследники большевистского дела. Пионерами были трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. Были пионерами легендарные герои Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Лиза Чайкина.

Яркую страницу вписал в пионерскую летопись керченский пионер Володя Дубинин, павший смертью храбрых при выполнении боевого задания партизанского отряда. Указом Президиума Верховного Совета СССР Володя посмертно награждён орденом Красного Знамени.

В числе Героев Советского Союза — самый юный герой, пионер — комсомолец Саша Чекалин, разведчик партизанского отряда.

И Павлик Морозов, и Зоя, и Олег, и Володя Дубинин, и Саша Чекалин сохранили перед лицом врага честь пионерского галстука. Поэт Щипачёв в своем стихотворении «О красном галстуке» говорит:

Как повяжешь галстук,
Ты светлей лицом —
На скольких ребятах
Он пробит свинцом...

О славных подвигах советских пионеров, в борьбе за Родину отдавших свои честные мужественные сердца, знает и помнит весь наш народ, гордый за советскую школу, за свою пионерскую организацию, воспитывающую верных мужественных сынов Родины.

Память об отважном пионере живёт в нашей стране. Его именем назван колхоз, организованный в Герасимовке. Его имя носят лучшие пионерские отряды, Дома пионеров.

О Павлике написаны книги, сложены песни. Для каждого пионера советской страны жизнь юного героя — пример мужества, бесстрашия, беззаветного служения своему народу. Пионеры всего Советского Союза чтут память мальчика из уральской тайги.

В Герасимовку ежегодно приезжают экскурсанты со всех концов нашей необъятной Родины. Они украшают могилу венками из цветов. А вокруг шумят сосны, шуршат листьями берёзы...

Алексей Максимович Горький в своей статье «Вперёд и выше, комсомолец» писал:

«Уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека нельзя щадить. Родные по крови, враги по классу убили Павла Морозова, но память о нём не должна исчезнуть,— этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен».

3 сентября 1947 года страна отметила 15-летие со дня гибели отважного пионера. В школах, пионерских отрядах прошли сборы. В библиотеках и клубах Урала открылись выставки, посвящённые жизни Павлика Морозова.

Со всех концов Советского Союза в село Герасимовку, в колхоз, школу, пионерскую дружину, которым присвоено имя юного патриота, шли письма, книги и подарки.

В этот день в Герасимовке вступила в строй электростанция. В каждом доме колхоза имени Павлика Морозова, одного из лучших в районе, вспыхнул электрический свет.

В Москве, на Красной Пресне, Павлику Морозову поставлен памятник. Скульптор изобразил юного героя со знаменем в руках, смело смотрящим вперёд.

Вокруг памятника растут голубые ели, выращенные пионерами станции Пачелма, Пензенской области, и присланные ими в Москву ко дню открытия памятника.

«Павлик на Красной Пресне
В бронзе встал у древка.
Для смелых сердец примером,
Ровесником пионерам
Он будет во все века...»

Будьте такими, как Павлик

Мой старший сын Павел рос в то время, когда в деревне только началась коллективизация. Шла жестокая классовая борьба. Кулаки срывали хлебозаготовки, прятали хлеб и оружие, всячески мешали строить новую жизнь.

Герасимовка была глухим сибирским селом, её окружали непроходимые леса и болота. И в этом далёком селе кулаки со страшным упорством сопротивлялись советской власти, избивали сельских активистов, преследовали всех, кто мешал их враждебным делам.

Тогда в нашу таёжную деревню новые вести доходили не скоро. Паша не знал многого, что делалось в стране. Но у него было чуткое сердце, он понимал, в чем состоит долг пионера, и боролся с кулаками. Среди врагов была и наша родня. Ни угрозы, ни побои не остановили тринадцатилетнего мальчика. Он мужественно разоблачил своего отца, помогавшего кулакам.

Борьба Павлика с кулаками была долгой и упорной. После того как был осуждён отец, прошло ещё два года. Павлику было нелегко. Кулаки следили за ним, а он следил за ними. Они угрожали ему зверской расправой, приходили к нам по ночам, стучали в дверь, всюду и везде караулили Павлика.

Павлик погиб, с ним погиб и другой мой сын, маленький Федя. Я мать, и мне трудно рассказать, что сделали враги с моими детьми. Их не просто убили, а зверски замучили.

В Москве, на Красной Пресне, Павлику поставлен памятник. Его подвиг служит примером для многих поколений советских детей. Как и Павлик, они учатся верности Родине и ненависти к её врагам. Так же как и Павлик, краснодонец Олег Кошевой, московская комсомолка Зоя Космодемьянская боролись с врагами Родины и отдали свою жизнь за победу коммунизма.

Наше правительство позаботилось обо мне. Меня поселили в Крыму, дали мне домик в Алупке. В годы войны я потеряла других своих детей. На фронте погиб мой сын Роман. Но я не одинока. Имя моего сына Павлика Морозова известно всем детям нашей Родины. Я гордо несу своё материнское горе. Миллионы детей идут мне навстречу, называют меня матерью. Каждый день я получаю много писем. В них пионеры благодарят меня за воспитание сына, примеру которого они стремятся всегда следовать.

Я, мать Павлика Морозова, его верный товарищ, призываю вас, ребята, упорно учиться, овладевать знаниями, чтобы стать хорошими строителями коммунизма и в борьбе за дело партии Ленина — Сталина быть мужественными, как Павлик.

Т. Морозова

Павлик Морозов

(Отрывки из поэмы)

С. Щипачёв

Рисунки В. Васильева

1

Выходит окном в проулок
Татьяны Морозовой дом.
Январской метелью продуло
Черёмуху под окном.

Поздний прохожий заметит:
В деревне, уснувшей давно,
Опять у Морозовой светит
Пятном золотистым окно.

Павлик склонился над книжкой —
Вожак, любимец ребят.
Мать спит, и двое братишек —
Рома и Федя — спят.

Пусть завтра опять спозаранку
Придётся вставать ему,
Идёт он за юношей Данко
Сквозь чащи лесные и тьму.

Парнишка худой, сероглазый,
Весь горьковский том прочитал.
Давно уже Павел Власов
Товарищем Павлику стал.

Власову страх незнаком.
Когда окружён был врагами,
Он спрятал красное знамя
У сердца под пиджаком.

С горячей, бесстрашной верой
В народ, в правоту свою
Вошёл он в мечты пионера
В далёком таёжном краю.

Пусть ветер свистит,
Не погаснет
Вспыхнувший в сердце свет;
За правду стоять — прекрасней
В жизни дороги нет.

Леса и леса... от Урала
До тундры седой, до морей.
Деревня в лесах затерялась,
Звёзды да вьюги над ней.

Хоть в мыслях окинь, попробуй,
Эти пространства, снега,
Где по-медвежьи в сугробах
Ворочается тайга,
Где вьюга когтистым следом
Петляет меж деревень.

Снова пришёл за рассветом
Зимний короткий день.

Снежинки летят за ветром;
Дорога у них далека.
На тысячи километров
Позёмкой дымятся снега.

И в них — под Орлом, под
Кунгуром,—
Где вьётся в овражках тропа,
Ещё избачам белокурым
Проламывают черепа,
Ещё, с сельсоветами рядом,
В полуночный свет окна
Стреляют волчьим зарядом...
Но правда на свете одна.

Проходят дни и недели,
И за тысячи бед
По всем дорогам метели
Метут раскулаченным вслед.

И в этой суровой погоде,
Победами окрылена,
Бесповоротно входит
В социализм страна.

На тракторном
Дни и ночи

Павлик Морозов

Акварель художника О. Коровина

Центральная Библиотека
г. Свердловск

Конвейер спешит вперёд,
И бережно старый рабочий
С конвейера трактор ведёт.
«Ждут в поле тебя. Тяжело
Будет сначала,— он руку
Кладёт ему на крыло,
Как на плечо другу,—
Не подведи, держись!
Идёшь перепахивать жизнь».

Северная непогода,
Беря над пространствами власть,
Из тридцать первого года
В тридцать второй ворвалась.

Сугробы растут пуховые,
Позёмкой в лицо пыля.
В тулупах стоят часовые
У древних ворот Кремля.

Клубится, пылит над стенами
Вьюги летучий дымок.
Бьётся красное знамя,
Как сердце, сжимаясь в комок.

Сталин в своём кабинете
Над картой склонился. Он
Каждую стройку отметил,
Приметил каждый район,
Уральские горы потрогал,
Днепр синий, где навсегда
Каменные пороги
Скоро закроет вода.
Кольцами вьётся и тает
Из трубки дымок седой

Над хребтами Алтая,
Над Кузбассом и Карагандой.
С сёлами, с городами
Вся страна на виду...

2

Прошла и весна.
Лишь порою
Напомнят вдруг о весне
Засохшей чёрной землёю
Зубья на бороне.

Дни всё длинней.
Всё короче
Травою пропахшие ночи.

Стоит сенокос на пороге.
Душен июньский зной.
Деревня лежит вдоль дороги
Улицею одной.

В каждом хозяйстве косы
Отбиты, прилажены все;
Скоро они на покосе
Вымоются в росе.

Сегодня в полуденный зной
Суд начался выездной.

В школе полно народу,
В дверях, в коридоре стоят.
«Такого не видели сроду»,—
В толпе старики говорят.

Люди, притиснув друг друга,
Пот вытирают с лица.
Слышится пьяная ругань:
Данилка шумит у крыльца.

А в переполненном классе,
Где солнца и правды свет,
Перед советскою властью
Держит Трофим ответ.

Знакомым и незнакомым
Он ложные справки давал
И деньги измятые
Комом,
Не глядя, в портфель совал.

И, может быть, кулаки
Со справками от сельсовета,
Изъездив Россию, где-то
Калечат в цехах станки.
По справкам они — бедняки.

Он хмуро свидетелей слушает,
Сидя у всех на виду.
Татьяна, не глядя на мужа,
Даёт показанья суду.

Она бы на все вопросы
Ответила, если б не жгла
Горечь в груди, если б слёзы
Скрыть от людей смогла.

В очках, невысокого роста
Привстал председатель суда:
— Свидетеля Павла Морозова
Прошу пригласить сюда.

Шумок, словно листьев шелест,
Прошёл по рядам: — Неужели
Против отца пойдёт? —
Охотник Егор и тот,

На что уж неразговорчив,
Вмешался: — Не струсит, пойдёт,
Хоть кулаки по-волчьи
Давно на него глядят.

Вон — в первом ряду сидят.
Кто-то в табачном дыму
Глухо ответил ему:
— Всё же отец — будет жалко.
Одно — заявить, а тут
Серьёзнее дело — суд.
Задумается, пожалуй.

Павлик шагнул от порога,
Не опуская глаз.
Не просто к началу урока
Он входит сегодня в класс,
А, ко всему готовый,
Идёт
Выездному суду
Сказать пионерское слово
Открыто, у всех на виду.

Парнишка русоволосый
Мнёт картуз, ждёт вопросов.

— Ты Павел Морозов?
— Да.
— Сын подсудимого?
— Да.

И, чтобы допрос был короче,
Спросил председатель суда:
— К отцу незнакомые ночью
Домой приходили?
— Да.
Зимою, когда метелица
Неделю подряд мела,
Бывали, с отцом сидели
В переднем углу у стола
И всё повторяли: «заплатим».

А тятька затылок чесал.
Потом я увидел с полатей:
Он справки на бланках писал.
— Врёт он, граждане судьи!
Это недобрые люди
Подговорили его

Пойти на отца своего,
Это злодеи желают
Срамить меня до конца! —
У Павлика щёки пылают,
Стыдно ему за отца:
Ведь тут собрались и ребята
Из пионеротряда,
Он чувствует стук сердец.
И от его взгляда
Отводит глаза отец.

Отец — дорогое слово!
В нём нежность, в нём
и суровость.

Сталину, совершая
Всей жизни своей поворот,
Любовь свою выражает
Этим словом народ.

И горько под отчим кровом,
Где братья меньшие и мать,
Если родным этим словом
Не можешь отца назвать.

Не для суда на вопросы
Ищет ответов подросток,
А хочет себе ответить,
Как ему жить на свете.

Стоит, как под знаменем, прямо,
Не скрыв от суда ничего.
С простенка из тоненькой рамы
Сталин глядит на него.

Выслушав Павлика, снова
Привстал председатель...

Жара,
И гарью пожара лесного
Тянет опять с утра.
Такого знойного лета
Не помнит никто, говорят.
А тут ещё где-то
Леса горят.

3

Осень леса продувает.
Молотят в колхозном селе...
Убит пионер. Но бывает
Бессильна смерть на земле.
Об этом трубят в горны
Отряды по всей стране:
В Артеке на склонах горных
И там, в лесной стороне,
Где, вопреки непогодам,
Моторы поют над тайгой...
Пошли не на ветер годы.
Стала страна другой.
Земля — степная, лесная —
Вся у народа в руках,
И только по книжкам знают
Ребята о кулаках.
В ладу с тракторами кони,
Комбайны хлопочут, пыля.
Идут от Карпат до Японии
Колхозные наши поля...
Под северным бледным небом,
У всей страны на виду,
Полуторки с первым хлебом
Идут из колхоза в Тавду.
Пыль за грузовиками
Клубится над большаком.

Полощется красное знамя
Над первым грузовиком.
Сосны, осины, берёзы —
Знакомый таёжный вид.
Парнишка русоволосый.
Рядом с отцом сидит.
Отец за рулём. И подросток,
Сдвинув кепчонку на лоб,
В кабине сидит
Не просто
Так — прокатиться чтоб:
Он с красным обозом едет
От пионеров села.
В стекло ударяет ветер,
Дорога, от пыли бела,
Стиснутая лесами,
Прямая лежит впереди.
Галстук двумя концами
Горит у него на груди.
Он сделает в жизни много —
Вожак пионерский, горнист,
Открытой народу дорогой
Войдёт молодым в коммунизм.
А если за правое дело
Придётся стоять в бою,
Он, смерть презирая, смело
За родину станет свою.
Где он не побывает!
Увидят его и в Кремле...
Павлик убит. Но бывает
Бессильна смерть на земле.
Бессильна! Взгляните в кабину
На этого паренька,
Когда он брови подымет
Или нахмурит слегка.
Нету конца у песни!..

Павлик на Красной Пресне
В бронзе встал у древка.
Для смелых сердец примером,
Ровесником пионерам
Он будет во все века.

МАЛЕНЬКИЙ ХОЗЯИН

П. Соломеин *Рисунки В. Васильева*

I

Кончился учебный год. Опустела школа. Учительница Зоя Александровна уехала в отпуск.

Всю весну Павлик работал в поле. Пахал, боронил, сеял. Иначе нельзя. Ведь он глава семьи.

Трудно приходилось тринадцатилетнему Павлику, но дома никто не видел его печальным. Если играет с ребятами — далеко слышен его звонкий голос. Если рассказывает что-нибудь смешное — все покатываются со смеху.

А песни? Никто из ребят не знал так много песен. И петь не умел никто так, как Павлик.

Любил Павлик ходить на общие собрания. Заберется куда-нибудь в уголок и слушает, о чём говорят приезжие представители.

Однажды обсуждался вопрос о хлебозаготовках. Выступил председатель сельсовета, потом говорил представитель райкома.

Герасимовцы молчали. Ни за, ни против.

— Дайте слово! — вдруг раздался звонкий голос.

— Говори, Павлуша!

Павел вышел на середину комнаты. Высокий, большелобый, вихрастый, в залатанном пиджачке.

— Я завтра же сдам причитающиеся с меня два центнера,— взволнованно начал он и повернулся к мужикам.— А вы что молчите? О чем задумались? Государству нужен хлеб? Очень нужен. А ты, дядя Кулукан? Ты, дядя Арсений Силин? На кого надеетесь? Ведь вам дано твердое задание. Может быть, у вас хлеба нет? Бережёте, чтобы весной сорвать с нас, бедняков, три шкуры.

Собрание молчало. Потом заговорили все враз, заругались.

— Мы-то свое свезём, вот пусть они! — кричали одни.

— Мы не богаче вас,— орал Арсений Кулуканов.

К столу притиснулся один из самых бедных мужиков, старик Парфёнов. Высокий, широкоплечий, с дремучей седой бородой, встал он перед собранием.

— Пишите. Везу три центнера,— басом прогудел он.

Вышел Трофим Юдов.

— Два центнера.

— Пиши воз...

На следующее утро из Герасимовки вышел первый красный обоз с хлебом. Вперед с развевающимся красным флагом ехал на своей Бусухе Павлик Морозов. Он покрикивал на лошадь и с гордостью оглядывался назад. Конца обоза не видно было за поворотом.

Проходила подписка на заём. Павлик первый взял облигацию. А потом пионеры пошли по домам распространять заём.

Павлик взялся агитировать в своем краю самых скупых. Не уходил из хаты до тех пор, пока хозяин не подписывался.

— Государству нужны деньги,— говорил Павлик,— чтобы

выполнить пятилетку, чтобы построить больше фабрик и заводов. Вот изготовят на наши деньги трактор и пришлют его нашему колхозу.

— Какому нашему?

— Герасимовскому,— уверенно отвечал Павлик.— Всё равно ведь будет скоро у нас колхоз. Не вечно же так жить будем... А, кроме того, и тебе польза будет. Выиграет твоя облигация, скажем, не двадцать пять, а двести пятьдесят рублей.

— Хорошо бы,— соглашался старик и непривычной рукой расписывался в тетрадке.

2

Павка вернулся домой в потёмках, молчаливый и бледный. У него болела голова. Левая рука распухла и не сгибалась в локте: избил Данилка. С трудом набросал сена в ясли лошади и долго закрывал двери конюшни.

Небо покрылось тучами. Полил дождь. Павка, не поужинав, лег спать.

Уложив ребятишек, прилегла на скрипучую деревянную кровать и Татьяна. Тревога за сына не оставляла её.

Чем всё это кончится? Она перебирала в памяти дни и годы, прожитые с мужем. Ничего вспомнить не могла, кроме побоев и зуботычин. Вспомнились слова Химы Кулукановой: «Если хочешь жить с мужем — разреши убить Пашку».

— Как же я разрешу лишить жизни моего родного сына?

— Смотри, тебе виднее,— злобно усмехнулась Хима.

И ещё вспомнила Татьяна, как эта же Хима Кулуканова через несколько дней после того, как осудили Трофима, кричала Павке:

— Не жить тебе, змеёныш, на свете!

Татьяна заснула поздно коротким тревожным сном.

В полночь её разбудил громкий стук в двери и пронзительный лай собаки. Спрыгнув с кровати, выбежала в кухню.

В стёкла бил сильный ливень. Было слышно, как шумела тайга, скрипели вековые сосны.

Татьяна прислушалась. В дверь настойчиво стучали. Собака рвалась у крыльца, с визгом наскакивая на кого-то. Татьяна заметалась по кухне. Что делать? Как спасти сына? Схватила полотенце и бесшумно привязала к скобке длинную железную кочергу.

Прислушалась. На крыльце кто-то разговаривал.

Дверь дёрнули так, что затряслись стены. Потом было слышно, как собака визгливо лаяла вслед уходящим.

Больше Татьяна заснуть не могла, а утром сказала Павлику:

— Сынок мой, родной, убьют ведь тебя... Приходил сегодня кто-то.

— Эх ты, мама... Трусиха ты... ну почему ты меня не разбудила?

А на вторую ночь снова стучали в дверь. Снова с приступами и визгом лаяла собака. Татьяна тряслась от страха и только шептала:

— Ой, только бы не разбудили Павку! Только бы он не проснулся.

А Павлик спал крепко.

3

Больше двух месяцев прошло после смерти «Павки-коммуниста». Как изменилась за это время Герасимовка! Четырнадцать бедняцких хозяйств вступили в колхоз и назвали его именем Павлика Морозова. Восемь лучших активистов сельсовета подали заявление о вступлении в кандидаты партии.

Пионерский отряд, организованный Павликом, вырос до сорока человек. Со всех концов страны получали герасимовские пионеры письма, подарки.

Звеновожатыми были избраны старые пионеры, друзья Павлика — Настя и Нюра Ермаковы, Яша Юдов и Яша Коваленко, а председателем совета отряда Мотя Потупчик.

Герасимовка в эти дни стала известной всей стране: о жизни Павлика и его гибели рассказывалось в центральных, областных и районной газетах.

Подходили дни пятнадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Молодёжь готовила спектакль,

пионеры разучивали песни, писали лозунги, украшали свою школу и избу-читальню.

Наступило утро седьмого ноября.

Яркое солнце слепило глаза. Снега ещё не было, но застывшая земля гудела под ногами.

От весёлого гомона и песен ребят оживилась изба-читальня. В сельском совете собрались колхозники и все жители деревни.

После небольшого митинга у сельсовета все направились на могилу братьев Морозовых.

Вот и кладбище, расположенное на опушке тайги, в мелком лохматом сосняке.

На широкой поляне продолговатый, еще свежий песчаный холмик. На могиле красная звезда и над ней траурное знамя.

На могилу положили венок из можжевельника. Секретарь партийной организации снял шапку.

— Товарищи,— дрогнувшим голосом начал он,— здесь могила братьев Морозовых, зверски убитых кулацкой бандой... Почтим их память.

Запели похоронный марш. Гулкое эхо разносило по тайге торжественный мотив.

— Павлик Морозов был одним из лучших пионеров страны,— сказал секретарь парторганизации.— Его славное имя займёт почётное место в истории коммунистического движения, как имя бесстрашного борца за социализм, за коллективизацию колхозной деревни. Он пал жертвой в ожесточенной борьбе с врагами советской власти.

Товарищи пионеры и школьники! Вы должны быть достойной сменой Павлику. Пусть каждый пионер будет таким, каким был Павлик Морозов...

— В честь Павлика мы назвали нашу школу его именем,— говорила комсомолка, заведующая школой Зоя Александровна.— Теснее сплотим ряды пионерской организации! Пионеры, к борьбе за рабочее дело будьте готовы!

— Всегда готовы! — дружно ответили пионеры.

Митинг закончился пением «Интернационала» и залпами из десятков ружей, которые захватили с собой охотники.

На обратном пути старик Парфёнов говорил соседу Ефрему Книге:

— Н-да! Такого у нас в Герасимовке ещё не бывало. Стар и мал вышел...

— Прославил смертью своей наш Павка-коммунист Герасимовку на весь мир,— задумчиво ответил Книга.

— Почему смертью? Не смертью, а жизнью,— возразил Парфёнов.— Он ведь и верно был коммунистом, каких мало. Сколько он рассказывал нам о колхозах, читал. И главное, уверен был, что будет колхоз у нас в Герасимовке... Не знал только, что его именем назовём мы этот колхоз.

☆

ДЯДЯ АКИМ

(из жизни Павлика Морозова)

Е. Медякова *Рисунки В. Васильева*

I

По вечерам Павлик часто ходил к дяде Акиму. Летом Аким любил вечерком посидеть около ворот. Скрутив из обрывка газеты цыгарку и набив её крупной махоркой-самосадом, он покуривал, неторопливо беседуя с кем-нибудь из соседей. Был он невысокий, болезненный и даже невзрачный на вид. Но умел Аким рассказывать всякие побывальщины так, что и взрослые заслушивались его.

Павлик обычно садился против Акима на траву и, когда разговор на минуту прерывался, просил:

— Дядя Аким, расскажи что-нибудь!

— Что тебе рассказать? Кажись, ты все мои разговоры переслушал,— добродушно отвечал тот.

— Расскажи, как ты от белых скрывался! Ну, расскажи, чего тебе стоит! — упрашивал Павлик.

И Аким, в который раз, повторял полюбившийся мальчику рассказ.

В годы гражданской войны, когда колчаковские банды временно захватили Урал, Акима мобилизовали в белую армию. Увезли его далеко от дома, хотели направить на фронт.

Но Аким не мог примириться с тем, что ему придётся воевать против Советской власти. Подговорив одного паренька, он сбежал вместе с ним. Стали пробираться к дому.

И тогда увидел Аким, что народ не покорился ненавистной белогвардейской власти.

Куда бы ни попадал Аким с товарищем, везде находились люди, которые давали им приют и пищу, помогали купить билет на поезд, учили, как отвечать при встрече с заградительными отрядами белогвардейцев.

Аким, распрощавшись с товарищем, пробирался к родной деревне. Недалеко от деревни встретил он старосту-кулака. Староста донёс в волостное правление, что Аким сбежал из белой армии. Пришлось Акиму скрываться, видеться с семьёй только урывками.

Как-то ночью пришёл он домой поесть. Было лето, и вся семья спала в амбаре.

Аким взял в чулане кринку молока, отрезал краюху хлеба. Зашёл в кухню, сел на лавку у окна, чтобы дорогу было видно, и принялся за еду. Вдруг на дороге появился конный патруль и прямо к дому. Два солдата под окнами встали, а начальник и еще два солдата въехали во двор.

Видит Аким: бежать некуда. Что делать? И вспомнил тут, что дверь со двора в сени открывается. Если встать за дверь, то беляки при входе не заметят его: дверь прикроет. Встал Аким у двери, сердце стучит в груди: выйдет — не выйдет?

Белые вошли в сени и в избу: «Эй, вы! Вставайте! — кричат. А в это время Аким — на крыльцо, оттуда — через заплот в за-

улок; заулок шёл прямо в молодой липняк. Пять-шесть прыжков — и он в леске. Но далеко не уходит, решил узнать, что станут бандиты делать. Может быть, истязать семью будут. Тогда лучше выйти и одному погибнуть, чем дать умереть жене, детям и матери.

Облазили солдаты все пристройки, не нашли Акима. Начали на женщин кричать, угрожать, а мать говорит: — Его уже давно нет, он в свою часть уехал.

Так и уехали белые ни с чем.

Ещё несколько раз они наведывались. Однажды чуть не захватили Акима на сеновале. Там в углу старое сено лежало. Между сеном и стеной забился Аким. Лежит, не шелохнётся...

Белые всё перерыли, перекопали, а старое сено штыком искололи. Два раза Акима по боку задели, но он ничем не выдал себя.

Пришла страда. Ну где же одним бабам управиться! Аким решил помогать: переоделся в женское платье и работает на поле. Чуть кто идёт знакомый, Аким сразу же — в лесок.

Люди спрашивают:

— Кто это с вами косит?

— Это наша матка.

— Куда ж она пошла?

— В лес, коней посмотреть...

...Так вот и работал. А потом слухи пошли, что красные близко. Решил Аким до них добраться.

Однажды идёт дорогой и вдруг слышит сзади топот. Оглянулся — едут двое военных. Аким кинулся в лес. Они схватили винтовки и кричат:

— Стой! Стрелять будем!

Аким остановился. Военные подъехали. Видит Аким на шапках у них звезды красные. Обрадовался, но ещё сомневается. Белые иногда переодевались красными, чтобы поймать кого-либо.

А военные спрашивают:

— Ты кто?

Аким решил говорить правду: всё равно раз умирать придется, ну и сказал, что скрывается от белогвардейской мобилизации.

Военные оба руку Акиму пожали.

— Молодец, что не продался белым бандитам...

Тогда-то и ушёл Аким добровольцем в Красную Армию.

Кончен рассказ. Павлик облегчённо перевёл дыхание. Хоть и знал он, чем кончается эта встреча, а всё же у него невольно замирало сердце: а вдруг бы дядя Аким попал в лапы белых. Павлик с восхищением глядел на Акима. Этот невзрачный, больной человек был в его глазах настоящим героем.

Аким часто болел, кашель не оставлял его.

— Когда скрывался я,— говорил он,— мне часто приходилось в хлебах ночевать. Во ржи спать спокойнее: комаров нет, да и искать там не станут. Как-то ночью дождь пошёл, промёрз я сильно, утром встал и сразу боль почувствовал: будто кто мне в грудь шилом ткнул. Простыл... С тех пор привязалась ко мне болезнь.

2

Однажды Павлик обратился к Акиму с вопросом:

— Почему это так? Одни у нас живут богато, вот Кулукановы хотя бы... Ишь, какой у них домина! У других избёнки — повернуться негде. А лесу кругом видимо-невидимо. Тайга!

Вопрос был серьёзен и ответить на него было трудно.

— Про это разговор долгий,— начал Аким и достал из кармана кисет.— У кого дома хорошие? Ясно, у кулаков...

Аким вдруг замолчал.

По улице тяжёлой, неторопливой походкой шёл в свой конец Арсений Кулуканов, дядя Павлика.

Поравнявшись с Акимом и Павликом, Арсений метнул в их сторону угрюмый, недоброжелательный взгляд.

— Ишь, как Арсений одеваться стал: пиджак старый, штаны с заплатами. Прибедняется! Чует, что отошла их воля...

Аким закрутил цыгарку и, закурив, уселся на бревне поудобнее.

— Вот ты говоришь, почему люди в разном достатке живут? Тут надо в старопрежние времена заглянуть. Здесь, в Герасимовке, живут больше переселенцы из Белоруссии. Году в 1907 сюда

переехали. А до тех пор здесь была тайга, урман. Кое-где только были выжженные пожаром места да немного пашен: это мужики из Городища разработали. Городище-то пораньше Герасимовки отстроилось. Так вот, значит, кто в Герасимовку раньше приехал, тот захватил лучшие земли. Сразу начали пахать и сеять. А кто попозже до этих мест добрался, тому пришлось целину поднимать, лес корчевать. А лёгкое ли дело — пни выворачивать, когда деревья здесь вековые росли?

— Дядя Аким, а почему мужикам в Белоруссии не жилось?

— Не жилось! То-то и есть, что не жилось. Там вся хорошая земля была панская. А у мужиков такие наделы были, что два раза сохой пройдёшь,— вот и вспахал; а с бороной проедешь — чужую полосу захватишь. На одну корову сена накосить негде было. А сюда приехали: земли, леса, покосов,— сколько душа хочет. Да само-то ничто в руки не даётся! То у мужика деньжат на лошадь нет, то семян нехватает. А первые-то поселенцы, что на готовенькую землю пришли, всем помочь согласны: и лошадь дадут, и семян одолжат, да не даром. Потом, в самую горячую пору, мужик не свой хлеб убирать будет, а у зажиточного мужика. Взять хотя бы Кулуканова — сколько людей на него работало?

Так вот и получилось: эти прижимистые мужики стали кулаками, а другие — у них батраками. Были, конечно, и самостоятельные крестьяне, жили своим трудом; но кулачьё у нас в силе было. Да и по соседним деревням, скажем, в Кулоховке, в Тонкой Гривке — всем кулаки заправляли. Лет десять тому назад (ты в ту пору наверно ещё под стол пешком ходил),— усмехнулся Аким, поглядывая на загорелого Павлика,— лет с десяток назад здесь кулацкое восстание было...

— Па-а-ашка!... — донёсся издали звонкий ребячий крик.

Павел и Аким посмотрели в сторону избы Морозовых. Посреди улицы стоял Федя, брат Павлика.

— Па-а-шка! Мама зовё-ёт! — кричал он.

— Иди-ка, Павлунька! — ласково сказал Аким.— Матка, слышь, зовёт...

— Дядя Аким,— умоляюще проговорил Павлик,— расскажешь завтра про восстание?

— Доживём — поглядим! Если не уеду завтра косить,— вечерком свидимся...

3

На другой день погода стала меняться. Заходили облака, а потом и вовсе стало пасмурно. Пропали овода, которые в зной не давали проходу ни людям, ни животным. Зато налетели с болот комары.

Акима, пока он ездил на покос посмотреть, каковы нынче травы, комары заели. Косить он не стал, погода была ненадёжная.

Вечером Аким, как обычно, вышел за ворота. Павлик уже ждал его.

— Не терпится! Ох, и любишь ты были-небыли слушать!

Павлик поднял на него пытливые глаза.

— Расскажешь, дядя Аким?

— Да расскажу уж! Пойдём-ка в баню, я махорки порублю. А то здесь комары, да и видишь,— Аким протянул руку ладонью вверх,— накрапывает уже.

Прохладная капелька упала Павлику на лоб, другая на плечо. Некстати было для крестьян ненастье в сенокос, но Павлик порадовался: в дождь им с Акимом никто не помешает беседовать.

— Что-то неможется мне сегодня, грудь болит,— пожаловался Аким, понуро бредя впереди Павлика через двор в огород, где стояла небольшая старая банька.— Всё ноет. К погоде, видно...

В тесном предбаннике он снял с гвоздя деревянное корыто и сечку, отвязал несколько стеблей висевшей под потолком сухой прошлогодней махорки и положил в корыто. Павлик сел на низкий порожек.

Поставив корыто на лавку, Аким принялся сечкой рубить табак, но, закашлявшись, остановился?

— О чём я рассказывать-то хотел?

— Про кулацкое восстание,— торопливо напомнил Павлик.

— О восстании,— повторил Аким, задумчиво глядя куда-то мимо мальчика.

— Дело было вот как,— медленно, припоминая, заговорил Аким.— Кончилась гражданская война. Ну, ясное дело, трудовые крестьяне вздохнули свободно. Для всякого труженика советская власть — родная мать. А вот кулачьё — те затаились.

В деревне Тонкая Гривка скрывался белый офицер Барашков. Был он тамошний, сын кулака. Собирая вокруг себя кулаков, Барашков стал готовить восстание.

Весной приехал в Тонкую Гривку продовольственный отряд: простые парни, тоже из крестьян, только из другой волости, красноармейцы. Устали они, озябли. Зашли в один дом погреться.

Хозяин встретил их неприветливо. Вдруг входит со двора человек. Одет в крестьянское, а не похож на мужика.

Красноармейцы сидят на лавке, хлеб жуют, водой запивают. Человек поглядел на них:

— А, гостеньки! Что ж вы, бабы, плохо встречаете? Люди измерзли, промялись. Ставьте самовар!

Посмотрел на хозяина, тот глаза отвёл, но тоже велел бабам самовар ставить. Бабы засуетились: на столе появился хлеб, капуста, самовар. Свечерело. Лампу керосиновую засветили, за стол приглашают парней. Встал первый красноармеец, винтовку за собой потянул. А молодица, весёлая да приветливая, советует:

— Вы ружья-то к печке поставьте, в уголок. Поди сами-то не выстрелят?

Бойцы доверились, составили винтовки в уголок, к столу присели... Только успели кипятку прихлебнуть, как подходит тот, немужицкого вида человек, к лампе, с папироской в зубах, будто прикурить.— Нагнулся... дунул в лампу и сразу... темнота. Бойцы к винтовкам кинулись. Да где там! Навалились на них в темноте, зазвенела посуда. И...

— Убили?

— Убили... С того и началось восстание. У кулаков были винтовки, берданки. Набрали топоров да вил, пики самодельные сделали. Барашков мечтанье имел захватить Тавду и оттуда пойти на Тобольск.

Герасимовские кулаки Барашкова с иконами, с хлебом-солью встретили.

Вечером бандиты тихо подошли к селу Городищу, где в это время в школе шло волостное собрание коммунистов. Кулачье окружило здание.

Отчаянно сопротивлялись большевики. А когда увидели, что не вырваться им из вражьих когтей, помогли одному товарищу

выбраться из школы. В него стреляли, ранили, да не опасно. Кинулся он к реке, а лёд уже потрескался и тронулся. Это не остановило его. По льдинам перебежал он на тот берег.

Здесь дали ему свои лошадь. Прискакал он в Тавду и рассказал о восстании.

Из Тавды пришёл рабочий отряд. Кулачьё отступило, и вскоре вся банда была разбита. А Барашкова расстреляли, как врага народа... Так-то вот, брат!

...Павлик слушал с полными слёз глазами. Не знал он, что на свете могут быть такие чёрные дела.

Аким отставил корыто с табаком и ласково потрепал Павлика по плечу.

— Айда-ка, Павел, домой! Мать, поди, потеряла... А про кулаков запомни: веры им нет!

Павлик побрёл домой. Шёл мелкий ленивый дождь. Капельки его стекали по щекам мальчика, как слезинки. Но теперь Павлик не плакал.

Дома он молча постелил на пол рядно [1] и, отказавшись от скудного ужина, лёг спать. Давно уже уснули мать и братья, а Павлик всё ещё лежал с открытыми глазами.

Перед ним возникали картина за картиной: то мирное собрание, то внезапное нападение кулаков, а потом тронувшаяся река и человек, прыгающий с льдины на льдину...

А молодые бойцы из продотряда!.. Пригласили их за стол, чаю попить. Они поверили, винтовки своей рукой в угол поставили. И тот человек, недеревенский по обличью... Это Барашков был, наверно. Вот Барашков с папиросой в зубах подходит к лампе прикурить, и вдруг — темно! И на бойцов накидываются здоровенные мужики, валят их, бьют, душат.

И Павлик застонал от жгучей ненависти к врагам...

---

[1] Рядно — половик.

ПЕСНЯ О ПАВЛИКЕ МОРОЗОВЕ

Сергей Михалков

Залегла тайга в тумане сером
От большого тракта в стороне.
Для ребят хорошим был примером
На деревне Паша-пионер.

Красный галстук Паша нёс не даром,
За учёбу брался горячо.
Пряча хлеб, тая зерно в амбарах,
Не любило Пашу кулачьё.

Был с врагом в борьбе Морозов Павел
И других бороться с ним учил.
Перед всей деревней выступая,
Своего отца разоблачил.

За селом цвели густые травы,
Колосился хлеб, в полях звеня,
За отца жестокою расправой
Угрожала Павлику родня.

И однажды, в тихий вечер летний,
В тихий час, когда не дрогнет лист,

Из тайги с братишкой малолетним,
Не вернулся Паша-коммунист.

Собирала ночь седые тучи,
Расходился ливнем дождь прямой.
Пионер, один из самых лучших,
Не вернулся в эту ночь домой.

Поднимал рассвет зарницы знамя
От большого тракта в стороне
Был убит Морозов кулаками
Был в тайге зарезан пионер.

И к убийцам ненависть утроив,
Потеряв бойца в своих рядах,
Про дела погибшего героя
Не забыть героям никогда.

У Надежды Константиновны *КРУПСКОЙ*

Художник В. Васильев

По приглашению пионеров и рабочих Трехгорной мануфактуры в Москву приезжала мать Павлика Морозова с его близкими друзьями по отряду.

Надежда Константиновна Крупская пригласила их к себе. Когда они вошли к ней в кабинет, Надежда Константиновна положила очки на стол, за которым работала, и поднялась гостям навстречу. Она взволнованно протянула руки к матери Павлика, обняла её и прижала к груди. Она просила её мужаться, рассказала, как все гордятся её сыном.

Надежда Константиновна взглянула на ребят и радостно улыбнулась. Она подвела растроганную до слёз Татьяну Семёновну к креслу, усадила её и села рядом с нею. Она поправила волосы Татьяны Семёновны и по-матерински погладила её.

— Садитесь к нам поближе,— пригласила она и друзей Павлика. Надежда Константиновна расспрашивала ребят об их жизни в деревне, интересовалась, как идут дела в колхозе, в школе, кто как учится. Завязалась беседа, такая непринужденная, словно ребята всю жизнь были знакомы с Надеждой Константиновной. Выслушав рассказы пионеров о том, как они учатся и как старательно работают летом в колхозе, Надежда Константиновна сказала:

— Вот это хорошо!

Она говорила ребятам, что теперь для строительства новой жизни потребуется гораздо больше знаний, чем прежде. Она расспрашивала ребят о том, что они читают, какие книги им больше всего понравились.

— Самое большое впечатление произвела на нас книга Горького «Мать»,— рассказала Мотя Потупчик.— Мы с Павликом читали её вслух всему отряду. Павлик всех нас и газеты приохотил читать. Когда прочитаем газету, то всегда беседуем о прочитанном и всё хорошее, что понравится, стараемся завести у себя в отряде, или в школе, или в деревне.

Надежда Константиновна похвалила ребят:

— Вот вы всегда так делайте.

Ребята рассказали ещё, как они с Павликом занимались спортом, научились хорошо плавать, удить рыбу, как ходили за грибами, ягодами и охотились с ружьём в тайге.

— Вот и Ильич очень любил охотиться,— заметила Надежда Константиновна. Тут послышался неожиданный вопрос:

— Надежда Константиновна, а пионерам можно драться?

Все ребята обернулись и посмотрели с укоризной на спрашивающего.

— О-о, это вопрос важный. На него надо правильно ответить. Ну... а вы сами что думаете? Вот Павлик дрался или нет? — спросила Надежда Константиновна.

— Наш Паша сам зря никого не задевал, а за маленьких всегда заступался. Он и за несправедливо обиженных товарищей заступался. А в школе он тише всех сидел и слушал учительницу. Он самый первый ученик был.

— Дома он дружно жил со всеми братьями,— рассказывала Татьяна Семёновна.— Он никогда их не обманывал, они любили его и всегда слушались, как старшего брата. Если Паша за трудными уроками засидится, а братьям невтерпеж станет его дожидаться, тогда он обязательно придумает для них какое-нибудь занятие: попросит домик построить, нарисовать что-нибудь или ещё что. Очень был он заботливый. Придёт из школы — всегда мне помогает: воды, дров принесёт, кур накормит, сделает всё, что попросишь. А когда я болела, он и за мною ухаживал, и за братьями присматривал — сам и избу приберёт и даже обед мог сварить.

Долго длилась эта задушевная беседа.

Надежда Константиновна распорядилась показать пионерам лучшие московские музеи, сводить их в театр, подобрать для их школы хорошую библиотеку. Расставаясь с герасимовцами, она сказала, что всем, всем пионерам надо быть такими же бдительными, как Павлик Морозов, что надо зорко охранять социалистическую, народную собственность.

ВОЛОДИ ДУБИНИНА

В. Шустов *Рисунки В. Зырянова*

Есть в Керчи улица «23-го мая». Если идти по ней вверх к горе Митридат, то справа будет дом № 56. Сложен он из белого камня — ракушечника. Из-под низко надвинутой, будто шапка, крыши приветливо смотрят окна. Небольшой заборчик огораживает уютный двор. Во дворе разбит сад. Развесистые фруктовые деревья, молодой виноградник и цветы наполняют воздух нежным душистым ароматом. Хорошо здесь! В любую погоду хорошо!

В доме живут Евдокия Тимофеевна и Валя Дубинины, мать и сестра героя-пионера.

Нет в Керчи такого человека, который не знал бы Дубининых. Дом их всегда полон гостей. Но чаще всего к Дубининым наведываются ребята. Они готовы часами слушать рассказы о своем сверстнике Володе Дубинине, бесстрашном партизанском разведчике.

Рассказ матери

Ребята сидели тихо. За окном в саду чуть шелестели листвой деревья, кивали яркими головками махровые цветы. Всё казалось внимательно слушает взволнованный голос Евдокии Тимофеевны.

— В тот день Володя с утра не мог сидеть спокойно,— говорила она.— Он то вслух твердил слова торжественного обещания, то принимался расспрашивать сестру, как она поступала в пионеры. Выслушав рассказ Вали он, помню, сказал: «Это, Валя, очень серьёзное дело. Ведь пионер — это почти комсомолец, а комсомолец — это почти коммунист, как папа».

Уходя в школу на сбор, Володя заглянул ко мне в комнату. «Ну, мама, я всё продумал. Я буду настоящим пионером!..»

По лицам ребят было видно, что рассказ Евдокии Тимофеевны взволновал их и сейчас каждый из них вспоминал торжественный день своего вступления в пионеры: «Вот стоят в строю друзья по играм, по классу. У дружинного знамени застыл знаменосец. Немного в стороне под портретами вождей стоят преподаватели. Вожатый отряда волнуется. Ему почему-то кажется, что ребята могут забыть слова обещания, но каждый громко и внятно говорит:

«Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей обещаю, что буду твёрдо стоять за дело Ленина — Сталина, за победу коммунизма».

— Так Володя стал пионером,— продолжала Евдокия Тимофеевна.— Он серьёзнее стал относиться к себе, своим делам и поступкам. Однажды, придя домой из школы, он с возмущением сказал: «Знаешь, мама, есть ещё у нас нехорошие ребята. Сегодня один семиклассник малыша обидел. Силу свою показывал. А ведь это очень нехорошо, нечестно. Я за первоклассника заступился. Правильно?»

Скоро я узнала, что Володю прикрепили к первому классу. Готовясь к беседам с малышами, сын часто советовался с отцом, с классным руководителем. И беседы его всегда были интересными и полезными для ребят. Как-то первоклассники спросили у Володи о его успеваемости. На вопрос малышей он не ответил. Стыдно было признаться, что с русским языком у него не всё

благополучно. Володя немедленно решил подтянуться. Он начал регулярно заниматься, скоро у него не стало ни одной тройки.

Была у Володи нехорошая черта: «любил он говорить «я». Чуть что — сразу: «Я сам сделаю без вас; сам знаю; без вас обойдусь». Трудно было перебороть его, но ребята, его друзья, добились того, что Володя почувствовал силу и ум коллектива, почувствовал уважение к товарищам, не стал говорить «я».

Пионеры внимательно слушали Евдокию Тимофеевну. Перед ними раскрывались всё новые страницы Володиного детства. Ребята узнали, как Володя воспитывал в себе упорство и настойчивость: «Дал слово — держи. Взялся за дело — доведи до конца».

— Началась война. Володя во что бы то ни стало решил попасть на фронт. Он придумывал всевозможные предлоги. Ходил в военкомат. Старшие товарищи разъяснили ему, что и в тылу своей хорошей учебой и работой он будет помогать фронту. Комсомольцы поручили Володе организовать сбор бутылок, которые были нужны под зажигательную смесь. Фронт приближался к городу. Всё чаще и чаще немецкие самолёты бомбили Керчь. Сгорела школа имени лейтенанта Шмидта, где учился Володя. Но ребята продолжали занятия на квартирах учителей. В самую последнюю минуту, когда фашистские танки ворвались в Керчь, Володя, выполняя свой пионерский долг, ушёл с партизанским отрядом Семена Михайловича Лазарева в каменоломни Старого Карантина. Из пионеров он организовал там группу юных разведчиков. Много раз с Ваней Гриценко выходили они из каменоломен, забирались в расположение фашистов и доставляли партизанам нужные сведения. За это Президиум Верховного Совета наградил Володю орденом Красного Знамени...

Письма

Дубининым только что принесли почту. Десятки конвертов разных цветов и размеров лежали перед Евдокией Тимофеевной. Со всех концов Советского Союза пришли они сюда, в Керчь, чтобы рассказать матери Володи о пионерских делах, рассказать о том, что память о герое-пионере вечно будет жить в сердцах миллионов ребят, а его жизнь будет служить им примером.

С далёкой Камчатки писал Леня Плотников. Он говорил, что в учёбе, в труде и во всём камчатские ребята стараются быть похожими на Володю.

«Евдокия Тимофеевна! — писал Леня.— Мы очень гордимся вашим сыном Володей. Он был настоящим пионером. Мы, Евдокия Тимофеевна, обязательно будем такими же. Все ребята нашего отряда учатся хорошо. Мы крепко дружим. Во всём стараемся помогать родной школе. Недавно у нас на море был шторм. Мой товарищ — Толя Нефедов — спас рабочий катер. У катера во время бури оторвался якорь. Толя заметил, что катер уносит в море. Волны были большие, но Толя не струсил. Он доплыл до катера, взобрался на него и дал сирену».

Много тёплых сердечных слов было в каждом письме. Писал Юра Самофалов из Сталинграда, Коля Горбунов — со станции Ковылкино, Мордовской АССР, Володя Камышев из Омска рассказывал в письме о своем отряде. Юра Сидоренко из Красноярска писал о хорошей учебе и настоящей пионерской дружбе в дружине 48-й школы. Были весточки и из стран народной демократии. Пионеры и пионерки средней школы города Острова (Чехословакия) писали:

«Володя воевал против немецких фашистов. Мы боремся за мир, и своей учёбой в школе воюем против американо-фашистской политики новой войны. Мы, свободная молодёжь Чехословакии, рука об руку с советскими пионерами и комсомольцами дело мира отстоим!».

Ребята из Донбасса прислали Евдокии Тимофеевне стихи:

«В суровую пору за край свой любимый,
Погиб партизан-пионер.
Мы помним тебя, наш Володя Дубинин,
С тебя мы берём пример.
Всегда и во всём: и в труде, и в учёбе,
А время придёт, и в бою,
Мы будем, как ты, наш бесстрашный Володя,
Отчизну хранить свою».

Так пионеры Донбасса выразили чувства и мысли всех ребят. Но не только письма приходят в Керчь...

Отряд даёт слово

Пионеры приехали в Керчь из Феодосии.

Они без сутолоки вышли из вагона и быстро построились в походную колонну. Вожатый отряда Миша Лукьянов подал команду. Ребята тронулись к вокзальным воротам с надписью «Выход в город».

День стоял солнечный, но не жаркий. С моря, которое лежало слева бесконечным синим простором, чуть светлеющим у горизонта, дул порывистый ветер. Он приносил запахи соли, рыбы, водорослей. Эти запахи были так крепки, что казалось будто пропитано ими всё окружающее. У многочисленных причалов теснились буксиры, катера, яхты. Лес мачт, расцвеченный алыми полотнищами флагов, напоминал праздничную колонну демонстрантов, готовую вот-вот влиться в улицы города.

Отряд чеканил шаг. Ветер заигрывал с ребятами. Он задорно ворошил волосы, трепал концы галстуков, вздувал пузырями рубашки. Но лица пионеров, смуглые от загара, были сосредоточенно спокойны.

Миша Лукьянов шагал впереди отряда. Иногда задерживался. И тогда все двадцать восемь молча осматривали исковерканные войной дома. Стены их носили на себе следы осколков и пуль. Вместо полов зияли провалы, обнажая рваную арматуру. Но таких домов уже мало. Животворные руки строителей уже коснулись большинства зданий. Город отстраивался заново, рос на глазах.

По улице имени Ленина, где пышные акации бросают на плитчатник дороги густую прохладную тень, пионеры вышли к подножию горы Митридат. В самом центре города стоит эта гора, упираясь в облака вершиной. Широкая крутая лестница из камня-ракушечника взбегает вверх — туда, к вершине горы где в прозрачной голубизне горит, переливаясь в золотых солнечных лучах гордый памятник-обелиск. По бокам его, как бы охраняя вечный покой героев, стоят пушки. Зорко смотрят вдаль, за Чёрное море, их грозные жерла. Памятник поставлен в честь воинов, освободителей города.

Салют ва́м, герои! Пионерский салют!

Ребята смотрели на памятник. Серёжа Борзенко сказал:

— Их никогда не забудут. Они погибли за Керчь. Здесь сильные бои были. Как раз под новый год освободили город. Два матроса-черноморца Владимир Иванов и Николай Гандзюк взобрались на Митридат и поставили на его вершине красный флаг. Это мне Павлик, мой брат, рассказывал. Он тоже Керчь освобождал. Город тогда был почти совсем разрушен.

— Фашисты дома жгли,— подтвердил кто-то.

— И сжигали, и подрывали фугасами,— дополнил Сережа.— Фашисты хотели здесь всё уничтожить.

— Не вышло и не выйдет,— уверенно заметил Шура Чалов.

— Побежали они отсюда,— продолжал Сережа,— на плотах думали через мо́ре в Турцию удрать. Они, фашисты, тут вот недалеко, в Багеровском рве, семь тысяч наших замучили.

...Долго ходили пионеры по городу, осматривая места давних боев. Как живая книга, рассказывали эти места ребятам о беспримерном героизме советского народа. Побывали пионеры и на улице имени Володи Дубинина, которая идёт до горы Митридат.

Уже под вечер колонна остановилась у школы № 13, носящей имя героя-пионера. Светлое здание. Из открытых окон доносятся звонкие голоса. Перед фасадом зелёный скверик. В глубине каменный постамент. А с него на ребят смотрит пионер. У него мужественное лицо, смелый решительный взгляд.

— Вот мы и пришли,— немного волнуясь, заговорил Миша.— Сегодня мы осмотрели город, в котором жил, учился и сражался с врагами Володя Дубинин...

К скверу подошли рабочие-строители. Подошли, задержались и в молчании, сняв забрызганные известью кепки, встали рядом с пионерами. К ним примкнула группа военных моряков в белых бескозырках с гвардейскими лентами. Скоро возле отряда образовалась плотная стена взрослых и ребят.

В синеве над головами перешёптывались зелёной листвой деревья, перекликались птицы. Багряное закатное солнце золотило крыши домов. Громко и уверенно говорил Миша Лукьянов. Он понимал, что люди, которые стоят сейчас рядом с пионерами его отряда, тоже ждут горячего верного слова.

— Товарищ Сталин,— сказал Миша,— пожелал нам успехов в учении и труде. В этом году мы учились хорошо. В нашем отряде нет троек. Значит, мы выполнили это пожелание вождя. Товарищ Сталин пожелал нам быть верными сынами нашей великой Родины. Сегодня, ребята, называя свой отряд именем Володи Дубинина, мы даём слово, что будем такими же стойкими и бесстрашными, какими были герои, отстоявшие в боях наше счастье. Такими же, каким был наш товарищ — пионер Володя Дубинин.

— Будем! — откликнулись двадцать восемь. Руки пионеров поднялись в салюте.

г. Керчь
Май, 1952 год.

★

У Крутых скал

Ф. Тарханеев **Рисунки Е. Гилёвой**

Августовский тёплый день подходил к концу.

Тропинкой, вьющейся по берегу Светлого озера, шли Валя Бушуев и Миша Тренёв. Они несли длинные удочки и сетки под рыбу.

— Самое лучшее место для уженья ершей — это у Крутых скал. Там дно песчаное, а вечером, когда солнце садится, ерши всегда на пески выходят,— говорил Валя.

— Значит, сейчас самое время,— посматривая на солнце, заметил Миша.

Тропинка шла то около самой воды, среди ив и ольховника,

то убегала в вековой сосновый бор. В воздухе звонко гудели оводы. Пахло сосновой смолой, цветущей левандой, гиацинтами, зубровкой.

Валя и Миша по тропинке поднялись на горку, перевалили её и вышли к огромным причудливо нагромождённым Крутым скалам. Мальчики разулись. Миша попробовал воду ногой.

— Тёплая!

Валя сразу вошёл по колени в воду, распустил удочки, насадил червя и забросил леску. Поплавок колыхнул воду и затих, красной точкой выделяясь на спокойной глади. Миша устроился рядом, и оба притихли. Скоро поплавок у Валиной удочки подпрыгнул и разом исчез под водой. Валя тянул удилище и вытащил большого ерша.

— Что я тебе говорил?! — радостно заулыбался он, снимая с крючка рыбу. В это время и у Миши клюнул ерш. Потянув удилище, Миша сделал шаг назад и охнул:

— Ногу чем-то уколол! — быстро опустив руку в воду, стал ощупывать песок.

— Смотри-ка,— показал он Вале,— черепок, да какой странный. С какими-то фигурами.

— Да, и по краю вдавлена кайма! А глина серая. Занятно! — Мальчики еще долго рассматривали черепок.

— Поищем еще,— предложил Валя. Положив удочки, они принялись за поиски.

— А вот ещё черепок... ещё один!

«Откуда они? И кто здесь мог глиняную посуду бить?» — этот вопрос заинтересовал мальчиков. Они ходили около берега, тщательно осматривая песок.

Солнце село за горы, на западе появилась яркозолотистая заря. Темнело, искать черепки стало трудно, и мальчики снова принялись за уженье.

* * *

— Черепки остались от первобытных людей,— рассматривая находку мальчиков, объяснил Николай Петрович, отец Вали.— Эти люди жили несколько тысяч лет тому назад. Очевидно, около

того места, где вы взяли черепки, было кочевье. Неплохо было бы найти.

— А трудно проводить раскопки?

— Очень. Ведь за тысячи лет образовалось немало наносов: хвои, листьев, трав, пыли, ила... Придется снять метра полтора земли,— прикинул Николай Петрович.

— Да,— вздохнул Валя,— глубоко!

— А кроме того, кто и где будет искать? Кочевье могло быть и не обязательно на том месте где вы нашли черепки.

— Мы будем искать. Миша и я. Найдем село.

— Ну, села вы не найдёте. В то время люди жили отдельными семьями. Можно найти только место стоянки, очаг в виде остатков золы. Потребуется много труда, терпения.

— Всё равно найдём! — упрямо проговорил Валя.

— Ну что же, желаю удачи! — улыбнулся Николай Петрович.— Настойчивость, наблюдательность, труд — залог успеха в любом деле. Но археологические раскопки — сложное дело, их разрешается производить только учёным-специалистам.

— Значит, нам искать нельзя?

Николай Петрович, заметив огорчение на лице сына, улыбнулся:

— Это касается только тех мест, где уже известны залежи археологических ценностей. Здесь же, на этом озере, вы первые нашли следы доисторического человека, поэтому вы, как первооткрыватели, имеете право на раскопки.

Николай Петрович на листе бумаги начертил предполагаемый вид работы.

— Понял? Но это не всё. Археологические раскопки требуют особой осторожности. Верхний растительный слой можно снимать кайлом и лопатой, а с глубины одного метра только лопатой. Наносы вообще довольно легко проходятся лопатой. Если лопата ударится о твёрдый предмет, нужно осторожно откопать его.

Николай Петрович ещё раз внимательно осмотрел черепки:

— Судя по орнаменту — это изделия эпохи неолита. Но это дело специалистов-археологов. Важно найти очаг, а там уже рассмотрят, изучат и точно установят, к какой эпохе он относится.

* * *

Мысль о том, как найти стоянку, не давала Вале покоя. Ночь. В доме тишина, все уже давно спали, только он не может уснуть.

Недавно Валя прочитал «В глубине веков». Сейчас, лёжа в постели, он вспомнил об этой книге. В его воображении ожили древние жители Урала, одетые в звериные шкуры, с каменными топорами, дубинками и копьями, их стоянки на берегах озер.

Утром его разбудил Миша.

— Ну и соня! Смотри-ка, десятый час, а ты в постели! Ну как, узнал о черепках?

— Узнать-узнал, интересно, но не так просто.— И Валя передал разговор с отцом.

Валя и Миша ровесники. Миша, черноволосый, вихрастый, высокий мальчуган, быстро увлекался любым делом и так же быстро остывал к нему. Круглолицый, белокурый Валя был настойчив. Каждое дело, которое он начинал, старался довести до конца. Он часто ездил с отцом, инженером-геологом, на места работы геологических партий, видел, как производится разведка на поисках руд. Много читал. Миша увлекся мыслью Вали найти очаг доисторического человека.

Яркое солнце пригревало землю. Воздух был наполнен запахом цветущих гиацинтов и спеющей малины.

Перед мальчиками лежал полуостров, густо заросший осинником и редкими вековыми соснами.

— Папа говорит, что доисторические люди выбирали для стоянок места на берегу озёр.

— Это для чего?

— Легче было защищаться от нападения зверей. Видишь, этот полуостров для них, наверное, очень подходил: с трех сторон здесь вода, а с четвёртой лес.

Валя достал из кармана горный компас и установил его.

— Мы находимся на западном берегу озера. Ты иди в лес и руби вешки, а я осмотрю берег.

Миша вытащил из рюкзака маленький топорик и пошёл в лес, а Валя спустился к воде и направился по песку, высматривая, где

больше черепков. Он долго выбирал место. Наконец нашёл несколько черепков и положил около них большой камень.

— Вот отсюда будем рыть,— сказал он вернувшемуся Мише.

Определяя направление по компасу, мальчики наметили рассечки на юг и север, забили вешки и принялись копать.

В полдень друзья отдохнули, поудили, набрали малины, напились чаю — и снова за работу. Хотя почва и легко поддавалась, копать с непривычки было трудно.

— Смотри,— кивнул Валя на скалы,— какие странные камни. Они походят на туловище человека-великана. Точно он вылез из земли до пояса. Смотри, вот грудь, голова, рука.

Мальчики утомились.

— Пора домой. Завтра ещё поработаем.

— Спроси твоего папу, как лучше заложить рассечку для остальных канав,— предложил Миша.

— Он в командировку уехал.

— Вот не во-время,— вздохнул Миша и поправил сбившуюся кепку.— Как же быть?

— Посмотрим учебник «Поиски и разведки полезных ископаемых».

— То полезные ископаемые...

— Ну и что? А у нас археологические ископаемые. Я видел, там есть чертежи канав и рассечек.

— Действуй,— согласился Миша.— Важно найти указания.

— Папа говорил, что раскопки проводить нужно как можно осторожнее. Иначе можно уничтожить ценные находки.

* * *

В конце августа холодные росы и первый иней золотом покрыли чернолесье. С деревьев сыпался увядающий лист. Озеро было бурное. У Крутых скал шумели волны.

Друзья настойчиво вели раскопки. Однако поиски не дали ещё никаких результатов. Мишу это расхолаживало.

— До каких пор мы будем здесь рыться? Где копья и наконечники стрел? Ни золы от костра, ни орудий производства! Одни черепки.

— Удивительный ты человек! — возразил Валя.— Сразу же подавай тебе мумию. Ты поработай, поищи!

— Такая работа дураков любит,— проворчал Миша.

— Кто тебя неволит? Ведь ты обещал рыть до конца! Если не нравится, уходи, я один останусь.

— Копай, сколько хочешь, а я не буду. Мы затеяли пустое дело и напрасно тратим время.

— Ну и что? Хоть канава и подошла к последней вешке, но план ещё не окончен. Остаётся южная сторона площадки.

Миша промолчал, а утром не пришёл на раскопки.

Валя одиноко сидел у канавы.

— Стоит ли искать? Может быть, Миша прав...

Развернувшись в линейку, над озером пролетели утки и скрылись за горами. Валя запел:

Летят перелётные птицы,
Ушедшее лето искать...

Валя спустился в забой, взял лопату и начал осторожно снимать землю. Лопата ударилась о что-то твёрдое. У Вали захватило дух от предположения:

— А что если...— он присел на корточки и руками разрыл землю.— Опять черепок...— он осмотрел его и задумался.

По-осеннему шумел ветер. В воздухе кружились и падали увядшие листья.

— Да, может быть, напрасно мы затеяли это дело... Вперёд... только вперёд! — громко крикнул Валя.

На тропинке показался Миша. Он спешил.

— Ты что кричишь! Я думал, что тебя придавило!

Валя ничего не ответил, но обрадовался: Миша вернулся.

— Валя, я не пойму, настойчивость это или упрямство?

— А тебе не всё равно, раз ты изменил общему делу.

Миша покраснел и, сбросив куртку, спустился в забой.

— Когда человек признаёт свою ошибку — это неплохо,— улыбнулся Валя.

Работа пошла скорее. Вдруг лопата Миши ударилась о камень. Он осторожно отрыл его.

— Смотри!

Валя, взглянув на продолговатый остроконечный камень, запрыгал по забою.

— Нашли, нашли, Миша! Ты знаешь, что это? Это каменный топор. Вот так к нему ручку крепили.

Под вечер они отрыли наконечник стрелы и много черепков.

— Знаешь, Валя, а ведь возможно, что мы и очаг найдём, а?

— Мы где-то около очага. Ты смотри, здесь и почва другая.

Весело возвращались мальчики домой.

Дома их встретил приехавший из командировки Николай Петрович.

— Как дела, археологи?

— Вот,— показал ему Валя,— каменный топор,— вот наконечник стрелы, а это...— он развернул бумагу, в которой было что-то завёрнуто.

— Зола! Ваша работа на верном пути. Можно надеяться, что и очаг найдёте.

О находках и открытии Вали и Миши узнали в городе. В один погожий сентябрьский день на берегу Светлого озера у Крутых скал появились археологи. Велико же было их изумление, когда они увидели, какую огромную работу проделали Валя и Миша, работу, которая открывала частицу далёкого прошлого Урала.

Приезжайте к нам в колхоз

Н. Куштум *Рисунок В. Валовича*

1

Расскажу я вам, ребята,
Про колхозные дела.
Я живу далековато:
От разъезда до села.
Путь проходит через горы,
Через каменный Урал.
А какие тут просторы
Открывает перевал!
Вниз спустись —
Краса какая!
От берёз белым-бело,
Речка в скалах протекает,
А за ней стоит село.
В нём живу я,
Дубов Саша,
Мне двенадцатый идёт.
Хорошо в колхозе нашем
Под названием «Восход»!
За пять вёрст,
Когда к нам едешь,

Видишь:
Вдалеке светло —
Электричеством богато
Вот уж пятый год село.
Это город нам помог
Провести электроток,
Чтоб дома он освещал
И в работе помогал,
Применить его сумели
Не в одном мы важном деле.
Ток идёт на мельницу,
Где пшеница мелется.
Электричеством давно
Сортируем мы зерно.
В мастерских поют станки,
Брёвна режет лесопилка,
От неё на парники
Мы весной берём опилки.
И ещё скажу одно я —
Мне пришлось не раз
слыхать —
Будем будущей весною
Электричеством пахать.
И культурно и богато
Мы живём в селе, ребята.
Год за годом рос и рос,
Поднимался наш колхоз.
Здесь работают на славу,
За колхоз стоят горой.
Председатель наш по праву
С прошлой осени герой,
Три свинарки — героини,
Полеводы в орденах.
Я читал:
Гордится ими
Вся Советская страна.

Есть у нас лауреат.
Полевод Попов Панкрат.
В поле вывел он пшеницу,
Да такую, что она
Очень дружно колосится,
Непогоды не боится,
Много нам даёт зерна.
К нам недаром из столицы
Изучить его пшеницу
Академик приезжал,
А потом он на собранье
Полеводу за старанье
Долго-долго руку жал.
И сказал:
— Такие люди
И не то ещё добудут.
Никакой им труд не страшен,
Дело двигают вперёд.
...Хорошо в колхозе нашем
Под названием «Восход»!

2

Председателем колхоза
Дядя Павел — депутат.
Он, скажу я вам, ребята,
Самый лучший друг ребят.
Волейбольную площадку
Он устроить нам помог;
Семена дал на посадку,
Не жалея, сколько смог;
Заказал в столярке парты;
Добыл в городе турник;
А весной,
В начале марта,
Отдал нам один парник,

Чтоб садить рассаду мог
Наш мичуринский кружок.
Много сделал он для нас,
Любит дядю каждый класс.
Но зато, лишь скажет слово,
Мы помочь ему готовы.
Рады просьбе мы любой,
Все спешим наперебой:
Там, где дела для пяти,
Спор идет у десяти:
— Я пойду!
— Нет, лучше я!
Наша школьная семья
Может сделать ведь немало,
Чтоб в колхозе лучше стало.

3

Шумно в кузнице колхозной:
В ранний час,
И в вечер поздний.
Здесь работает кузнец —
Моего дружка отец.
Ремонтирует косилки,
Починяет молотилки,
Косы, бороны и плуги
Исправляет всей округе.
Все в колхозе им довольны —
На дворе ещё январь,
А у нас в порядке полном
Весь колхозный инвентарь.
Про него мы слышим часто:
— Наш Петрович—это мастер!
В кузнице работы много,
Пионеры тут как тут.
Мы приходим на подмогу,

Дело нам всегда найдут.
Мех качаем,
Воду льём,
Ездим в склады за углём,
Подметаем пол метлою,
Тачки возим мы с золою
На колхозный огород —
Дел у нас невпроворот.
Но зато кузнец доволен;
— Хорошо вас учат в школе!
И хотя имеет орден,
Наш кузнец совсем негордый.
Очень любит он ребят.
Он парторг у нас колхозный
И хороший, говорят.
Книжки разные читает,
Всем советом помогает,
Как-то он и мне помог
Подготовить мой урок:
Не решу никак задачу,
Я к нему —
И чуть не плачу.
Посмотрел он,
Дал совет —
Глянь, и я нашел ответ.

4

Есть в колхозе агроном
Бывший наш пастух Пахом.
Любит он колхозный труд
И село своё родное.
Он в Свердловске институт
Кончил прошлою весною.
Мог бы в городе остаться,
Отказался наотрез,—

У него к земле колхозной
Самый главный интерес.
Мы решили у костра:
Как занятья кончим в школе,
Только скажет он: — пора! —
Всей дружиной выйдем в поле.
Агроному мы не прочь
И в его делах помочь.
Выше наших урожаев
Мало кто снимал кругом,
Вот зато и уважаем
Наш колхозный агроном.
Нынче маму за работу,
За хорошую заботу
Председатель дядя Павел
Всем другим в пример
поставил.
Мама больше всех доярок
Надоила молока.
Телку дали ей в подарок.
Знаю я:
Наверняка,
Если мама, как и прежде,
Будет делом дорожить,
За высокие удои
Может орден заслужить.
Я кончаю пятый класс
В нашей школе-семилетке.
Этот год я получал
Лишь отличные отметки.
Да и многие у нас
Тоже учатся не хуже.
Очень нравится мне класс,
В школе все живём мы дружно.
А когда весна придёт,
Будет много дела в поле:

Мы сначала огород
Засадить должны при школе;
А потом собрать золу
В каждом доме для посевов;
Да ещё украсить клуб,
Провести в нём много спевок.
А когда стеной хлеба
В поле вызреют под осень,
Пионеров, как всегда,
Наш колхоз помочь попросит.
Столько дела и забот!
Сделать все успеть должны
мы —
План составила на год
Пионерская дружина.

5

В город вам пишу, ребята,
Про колхозные дела.
Ехать пусть далековато
Вам до нашего села,—
Не смотрите вы на это,
От души скажу вам я:
Приезжайте-ка на лето
В наши горные края.
Время, думаю, найдёте,
Как каникулы придут.
А уж как вы отдохнёте!
И поможете нам тут.
Хороша сторонка наша!
Говорят, что лучшей нет.
Это я вам — Дубов Саша —
От ребят колхозных наших
Пионерский шлю привет!

Секретное дело

К. Махров *Рисунки Н. Аристова*

Шура Симаков, ученик седьмого класса, пришёл к своим друзьям-первоклассникам до уроков.

— Вот что, ребята,— таинственно сказал он окружившим его малышам,— вчера у Ильи Андреевича было совещание. Секретное.

— Секретное?

— Да. Вам поручено сделать много-много разноцветных флажков. К празднику последнего звонка. Понятно?

— Ничего не понятно,— сказал Стёпа Севастьянов, мальчик с тонким, тронутым первым загарцем лицом.

— Секретное — это какое? Чтобы никто не знал?

— Да, тайное.

— Почему: праздник и — тайное?

— А какой это праздник последнего звонка? — спросил Женя Гостев.

— Да разве вы не знаете? Ах, да... — Тут только Шура Симаков сообразил, что ведь ребята-то ничего не знают: они же первоклассники.

Он сдвинул белесые брови:

— Это, ребята, дело действительно, секретное. Сегодня — 12 мая. Через три дня у десятиклассников заканчиваются занятия. После четвертого урока будет дан звонок на пятый урок. И это будет для них последний звонок на последний урок. Понимаете? В нашей школе это отмечается уже несколько лет, как большое событие, как праздник. К нему готовится вся школа. И обязательно тайно от десятого класса. Десятиклассников приглашают на торжественный сбор всех учеников. Мы, седьмой класс, ещё в марте приготовили к этому собранию электрифицированную карту, восьмиклассники — фотопортреты бывших наших выпускников, шестиклассники будут украшать трибуну: девятый класс выпускает стенгазету.

— А мы что?

— Вы — много-много разноцветных флажков для украшения зала.

— Сделаем! Сделаем!

— Да тише вы! — прикрикнул на зашумевших ребят Шура.

Вы умеете хранить что-нибудь в тайне?

— Умеем! Умеем! — ещё громче закричали ребята.

— Ох, разболтаете вы всё! — в отчаянии сказал Шура и подозвал к себе Стёпу Севастьянова.

— Ты, Стёпа, от первого класса будешь приветствовать десятиклассников.

— Как это?

— А вот так...— Шура рассказал, как это делается.— Я напишу тебе всё, ты выучишь и расскажешь. Хорошо?

Последние дни перед экзаменами. В школе стало тише и словно светлее; всё настраивало на особенный, торжественный и чуточку грустный лад.

Ребята повторили пройденное, готовились к празднику последнего звонка. Первоклассники нанизывали готовые флажки на нитки. Шура Симаков рассказывал им о том, как он готовится к экзаменам.

— А ты на пятёрки сдашь экзамены?

— Не знаю, ребятки. Пока что каждый год сдавал на четвёрки и пятёрки; думаю, что и в этом году так же... Вдруг Шура услышал, как кто-то из ребятишек сказал:

— В лес поедем без Шуры. Чтобы никто не знал.

— Это вы о чём? — заинтересовался Шура.

— Да ни о чём... Ничего...

Как Шура не выпытывал, он ничего не узнал. Но было ясно, что ребята что-то затеяли.

— А где Стёпа Севастьянов?

Он пошёл в десятый класс.

— Зачем?

— Он сказал, что ему надо,— ответил Женя Гостев.

«Надо... Ему «надо»... Пойдёт, разболтает всё»,— подумал Шура и побежал в десятый класс.

Степа Севастьянов стоял у приоткрытой двери десятого класса. Десятиклассники ещё не разошлись. Они заметили мальчика и кинулись к нему.

— Кто ты есть? Откуда ты? И чей ты? — затормошили его десятиклассники.

— О ты, малыш, дружище юный, чего высматриваешь ты? — баском продекламировал над оробевшим Стёпой Игорь Рыбин, староста десятого класса.— По что сюда пришёл, скажи?

Шура Симаков и мигнуть не успел, как сильные руки втащили Стёпу в класс. И сразу же из-за дверей донесся рёв Стёпы.

«Что они с ним делают?» — подумал Шура и хотел бежать выручать Стёпу, но тут рёв утих и раздался звонкий смех Стёпы. Шура заглянул в десятый класс: Игорь Рыбин, посадив на плечо Стёпу, носил его по классу, напевая: «Тра-та-та, тра-та-та... Мы везем с собой кота» и смешно приплясывая.

— Ты что это такой расстроенный? — Шура обернулся: перед ним стояла учительница первого класса, Мария Васильевна.

— Я? Да что,— махнул рукой Шура.— Всё пропало. Всё провалил Стёпа Севастьянов. Он, должно быть, всё рассказал десятому классу.

В это время дверь класса распахнулась и в коридор выскочил Стёпа Севастьянов. За ним бежали десятиклассники с криком:

— Ловите его! Держите его!

Увидев Марию Васильевну, они остановились. Шура и Стёпа прошли с Марией Васильевной в учительскую.

— Мария Васильевна,— говорил Шура,— он всё мероприятие провалил. Потом, они что-то задумали...

— И неправда. Никакого я мероприятия не провалил. И ничего мы плохого не задумали. А говорить пока нельзя.

— А мне скажешь? — спросила Мария Васильевна.

— Вам? Не знаю. Как ребята.

— Вон оно что! — улыбнулась Мария Васильевна.— Что-то серьёзное?

— Не серьёзное, а... хорошее. В общем — секретное дело,— выпалил Стёпа.

— Мария Васильевна,— заговорил Шура,— какое там секретное дело. Стёпа с приятелями собирается ехать в лес. И не хотят взять меня, а одних я их не отпущу. Они заплутаются. Их там волки съедят.

— Ну уж, волки! — обиделся Степа.

— Да зачем вам в лес?

Стёпа молчал.

— Значит, секрет! — сказала Мария Васильевна.— Ладно, Стёпа, поезжайте. Я разрешаю.

— Мария Васильевна! — воскликнул Шура.— Да что же это... В таком случае я за них отвечать не буду.

— Ничего, съездят. Иди, Стёпа. Флажки все сделали?

— Сделали, Мария Васильевна.

— Хорошо. Поезжайте.

Сияющий от радости, Стёпа вышел.

— Не знаю, что задумали мои ребятишки,— улыбнулась Мария Васильевна,— но задумали они что-то хорошее. Ты, Шура, съезди с ними в лес.

— Не поеду. Они же не хотят... — надул губы Шура.

— Поедешь. Одних отпустить нельзя. Они сядут на один трамвай, а ты — на следующий. Посмотришь, что они будут делать в лесу, но чтобы они не видели тебя.

— А, вон как! Понятно, Мария Васильевна. Это... Это интересно!

На окраине города первоклассники присели, чтобы дождаться трамвая в город.

Шура Симаков видел всё, что делали ребята и, конечно, сразу догадался, зачем им понадобилось ехать в лес. Вот чудаки! Почему они ему ничего не сказали? Неужели они могли подумать, что он будет против?

Теперь, подходя к ним, он услышал, как Женя Гостев, показывая на корзинку, спросил:

— А хватит тут на 32 человека?

— Хватит,— уверенно ответил Стёпа.— Только вот не знаю, как это им приколоть. Они — бо-ольшие! Я нарочно ходил в десятый класс. Сам видел всех. Большие...

— Здравствуйте, ребята,— поздоровался Шура.— Как идут дела?

Ребята повскакали. Женя Гостев схватил корзину, чтобы спрятать.

— Не прячь. Вижу. Всё понял и одобряю. Ну, почему вы не сказали мне? Думали — я буду против?

— Да нет...— оправившись от испуга, сказал Стёпа.— Просто мы хотели сами. Чтобы для всех это было неожиданно.

А вот как нам завтра всё передать десятому классу — вот это мы не знаем.

— А ну, давайте подумаем вместе,— сказал Шура.

Малыши теснее сдвинулись вокруг него.

Шура Симаков привёл первоклассников в зал на праздник последнего звонка немного раньше. Зал был украшен: небольшая трибуна обита красным сатином и убрана ветками черемухи. Под потолком, на золотых нитях, висели разноцветные флажки, на стенах в красивых рамках — портреты незнакомых юношей.

— Это — бывшие выпускники нашей школы,— объяснил ребятам Шура Симаков.— Некоторые из них — уже инженеры, врачи, учителя, архитекторы; другие еще учатся в институтах.

— А что это за карта такая — с огоньками? — спросил Стёпа Севастьянов, показывая на электрифицированную географическую карту.

— Это? Это мы сделали. Где горит лампочка, там наши выпускники учатся или работают. Понятно?

— А вот теперешние десятиклассники, когда они в других городах будут учиться, на карте ещё лампочки загорятся?

— Ещё загорятся. Конечно!

— А трибуна-то какая красивая!

Но вот зал наполнился стройными рядами учеников, вошёл директор школы Илья Андреевич и учителя.

— Пригласите сюда десятиклассников,— попросил Илья Андреевич. Вошли десятиклассники — все тридцать два человека. Их поставили за девятым классом, где было свободное место.

— Мария Васильевна,— сказал Илья Андреевич,— вы учили наших десятиклассников, когда они были в первом, втором, третьем и четвёртом классах. Первый звонок они услышали, когда пошли к вам на урок. Прочтите постановление педагогического совета о допуске их к экзаменам на аттестат зрелости.

Мария Васильевна поднялась на трибуну.

— Дмитрий Горошников... Николай Кузнецов... Александр Гудимов,— читала она. И тот, кого она называла, выходил из строя и становился у трибуны, лицом ко всем ученикам, как раз против первоклассников. Первоклассники, в белых рубашках, в коротких летних штанах, стояли совсем не так, как положено стоять в строю: руки у них были заложены за спину, точно они что-то прятали. Рядом с ними — Шура Симаков. Он — это было заметно — очень волновался. Разве можно надеяться на этих первоклашек? Обязательно что-нибудь сделают не так, перепутают. Вот хотя бы Стёпа Севастьянов.

Но Стёпа Севастьянов спокойно стоял на своем месте и во все глаза смотрел то на выпускников, то на весь строй учеников. Как много ребят! Он и не думал никогда, что так много у них в школе есть ребят. Вот это — отряд!

Он был очень горд, Стёпа Севастьянов: их учительница, их добрая, самая хорошая Мария Васильевна, читала «Постановление» — и её слушали все, все ученики — и маленькие, и большие. Это она выучила десятиклассников, которые скоро будут студентами. Погодите, пройдёт ещё девять лет, и тогда и он, и Женя Гостев — все первоклассники будут выпускниками. Да... А ребят — много. Наверно, тысяча. Или пять тысяч. И все — такие дружные. На таких ребят и посмотреть хорошо. А убрано всё очень красиво. Тут и они, первоклассники, тоже потрудились. Флажки-то кто делал? Первоклассники.

— Допущены все,— закончила читать список Мария Васильевна.— Ребята, поздравляю вас, от всей души поздравляю вас!...— она замолчала, подняла руку, видимо, подбирая какое-то слово. И вдруг улыбнулась — просто и немного растерянно. И всем ребятам, всем, кто здесь стоял, было приятно и хорошо видеть и эту добрую улыбку, и растерянность Марии Васильевны.

Так она и стояла — с поднятой рукой, подбирая нужное слово, самое лучшее, самое сердечное. И оно нашлось, это слово.

— Ребята, дорогие мои! Всего вам хорошего!

Раздались аплодисменты.

И тут к трибуне подбежал Стёпа Севастьянов. Он уж давно видел, что Мария Васильевна находится в каком-то затруднении и хотел помочь ей, да не решался. А теперь решился.

— Товарищи ребята! — крикнул он изо всех сил, чтобы заглушить аплодисменты.— Мы, ученики 1-го «А» класса, торжественно приветствуем и поздравляем... Торжественно приветствуем... Приветствуем..: Ой, забыл!

По залу прокатился весёлый смех.

— Шура, как дальше? — спросил Стёпа у Шуры Симакова.

Шура Симаков... На нём лица не было. «Провалил! Всё мероприятие провалил!» — думал он в отчаянии.

— Да ты так говори! Не по заученному! — кричали Стёпе ребята.— Прямо от себя.

— А можно?

— Можно!

— Ну, так вот...— Стёпа повернулся к десятиклассникам. Мы вас очень поздравляем. И сдавайте экзамены на пятёрки.

Стёпа пошёл на своё место. Он уже видел расстроенное лицо Шуры Симакова и уже подумывал, что ему, видно, крепко влетит за то, что не так говорил, как учит Шура. Но тут он вспомнил, что не сделал самого главного... Он снова подошёл к десятиклассникам. Протянув Игорю Рыбину маленький букетик фиалок, он сказал:

— Ребята выпускники! Мы вас всегда будем помнить. Когда мы узнали все буквы и научились читать, вы пришли к нам в класс, на «праздник первого уменья» и подарили нам «Родную речь»... Мы всегда будем хранить эту книгу. А теперь примите от нас подарок. Фиалки. Сами нарвали в лесу.

— Спасибо, Стёпа! — сказал Игорь и наклонился, чтобы взять букетик. Но Стёпа сказал:

— Нет, постой. Я сам приколю.

И он приколол Игорю букетик фиалок.

— Ребята! Давайте все сколько есть! Прикалывать! — скомандовал Стёпа.

Первоклассники сделали шаг вперёд, у каждого в руке был букетик фиалок.

Пока ребятишки прикалывали букетики выпускникам, Игорь Рыбин говорил с трибуны:

— Спасибо, ребята! Спасибо и вам и нашим учителям. Ребята! Мы уходим, а вы остаётесь. Любите школу, учитесь хорошо...

После Игоря на трибуну поднялся Илья Андреевич.

— Товарищи! — сказал он, обращаясь к выпускникам.— Вы пойдёте сейчас на последний урок. Потом — экзамены. Пусть вам навсегда, на всю жизнь запомнится эта минута... Мы уверены, что вы будете хорошими советскими людьми. Желаем вам успехов, дорогие друзья.

Ребята дружно захлопали в ладоши. Когда шум утих, Илья Андреевич приказал:

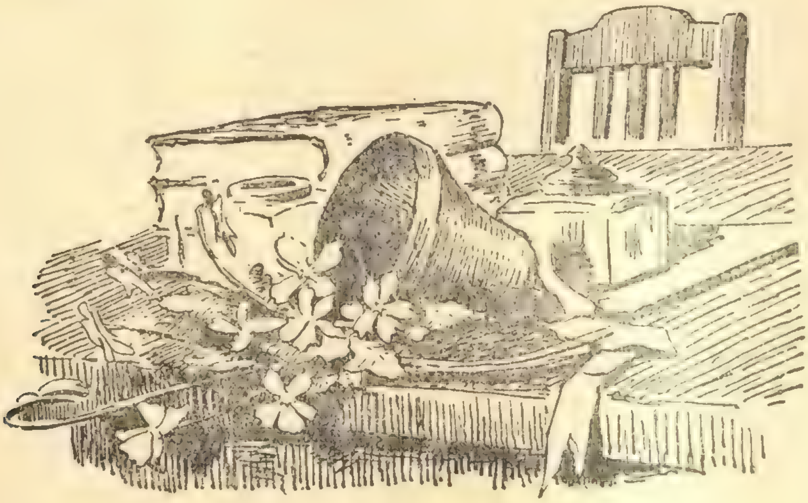
— Ученики 9-го класса! Встаньте на то место, где стояли десятиклассники. И всем классом — передвинуться вперёд.

И все ученики, все классы тихо, торжественно передвинулись.

— Дайте десятому классу последний звонок,— приказал директор.

Над головами учеников зазвенел звонок, сегодня перевязанный голубой лентой.

Выпускники строем пошли из зала в свой класс — на последний в их жизни школьный урок. За ними — девятый класс, восьмые и все другие. Шествие замыкали первоклассники. Впереди них шли Мария Васильевна и Шура Симаков — тоже с фиалками на груди. Шура Симаков был доволен и радостен, как никогда. «Здорово хорошо всё получилось! — думал он.— Честное слово, молодцы малыши!»



ВАСЯ

Е. Фейерабенд *Рисунок Е. Гилёвой*

Приходит ко мне мальчишка,
Шестилетний философ,
Смотрит картинки в книжках
И задаёт вопросы.

О солнышке, между прочим:
Куда исчезает к ночи?
Откуда берутся звёзды,
Когда становится поздно?

С тех пор, как настало лето,
Он целый день во дворе,
Теперь и мои ответы
Известны всей детворе.

Он в полдень ко мне вбегает:
— Сейчас в Америке ночь?
— Ночь,— говорю,— глухая.
И мальчик умчался прочь.

Минута прошла. Он — грудью
у моего стола.
— Как ходят в Америке люди? —
Узнал, что земля кругла.

— Правда, что вниз головою?
— Нет,— отвечаю я.—
Ходят, как мы с тобою,
Иначе ходить нельзя.

Другое печально, Вася:
Жизнь там не так идёт.
Преступники там у власти
И мучат простой народ.—

Открыто войну готовит
Какой-нибудь жадный мистер.
И мальчик, насупив брови,
Остался при прежней мысли.

Я слышал, как он беседует
Об этой стране с друзьями:
— Всё, что у нас как следует,
Там,— говорит,— вверх ногами!

САТИНОВАЯ РУБАШКА

Г. Шумилов *Рисунки А. Зыкова*

I

У Василка опять неприятность. Учительница Анна Гавриловна после второго урока выпроводила его домой.

— Мне,— говорит,— в классе такие оборванцы не нужны.

А причём тут он: Анна Гавриловна вызвала Василка к доске и увидела, что оба локтя у него голые. Как это получилось, он и сам не заметил.

Утром перед школой мать залатала рубашку. Василко, придя в школу, старался до звонка на урок ни с кем не возиться, а рубашка всё-таки ползёт и ползёт. Скоро и заплаты некуда будет ставить. Беда!

Учительница ещё сказала, что стыдно родителям в такой рвани отпускать сына в школу, давно уже надо купить новую рубашку.

Легко сказать — купить. А на что, где взять деньги. Конечно, если бы отец «озолотился», тогда другое дело, купили бы и на рубашку и младшего братишку Олега одели.

Отец Василка, как и многие рабочие, ещё весной был уволен с завода и оказался безработным. Около трёх месяцев он обивал пороги у разных хозяйчиков в поисках работы. Чтобы прокормиться, продали корову, отцовский костюм и сапоги, мамино выходное платье и другие необходимые вещи, нажитые годами. Наконец, отцу «посчастливилось»: он завербовался на работу в Сибирь на Ленские золотые прииски, принадлежавшие английским золотопромышленникам.

Василко как-то нашёл в школе на карте, где находится река Лена, но место работы отца найти не смог: река длинная, а кружочков по её берегам очень мало.

Когда отец уезжал на эту далекую, неведомую Лену, то соседи, провожавшие его, говорили, что он там «озолотится». Но прошло уже почти полгода, как он уехал, а золота что-то не видно. Отец посылает совсем мало денег и пишет, что зарабатывает плохо, хотя работает, как каторжный. Хозяева приисков, англичане, обращаются с рабочими, как со скотом.

Отцовских денег хватает только на хлеб. Хорошо, что тётка Наталья, жалеючи ребят, даёт каждый день кринку молока, а то бы ребята совсем отощали. С молоком-то полегче.

Утром мать поставит на стол глиняную миску молока, с накрошенными в него кусочками ржаного хлеба, ребята нахлебаются этой тюри и терпят до вечера. А вечером пьют самодельный морковный чай и съедают по ломтю хлеба. Сахаром пользовались, как учил покойный дедушка:

— Вы, ребятки,— говаривал он,— сахар-то не сосите, а закладывайте за щёку, надольше хватит.

И верно, с выданным матерью кусочком сахара, величиной с боб, Василко выпивал две, а иногда даже и три кружки чаю, да после этого за щекой ещё оставался небольшой ноздреватый кусочек, который он съедал так, без чаю, чтобы слаще было.

— Всё это не так уж плохо, жить можно,— думал Василко, шагая к дому по укатанной санями дороге и по привычке попи-

пывая твёрдые комки снега и застывший конский навоз. А вот с рубашкой скандал. Не может же он оставаться на второй год в третьем классе, обидно отставать от друзей, да и отец не похвалит.

Василко звякнул запором и вошёл во двор. «Кто там?» — услышал он голос матери.

— Это я, мама!

— Что это вас сегодня так рано отпустили?

— Меня Анна Гавриловна выгнала за худую рубашку.

— Опять порвалась? Вот наказанье-то мое...

В избе мать осмотрела рубашку и сокрушённо покачала головой.

— Как я дотяну тебя до весны, просто не знаю. Конечно, вашей учительнице что, она поповна, отец-то у неё загребает с прихожан сырым и варёным. Кому горе, а нашему попу всё доход. Вон у Комаровых умершего деда обрядить не во что было, а он все-таки не постеснялся, взял за отпевание последние две курицы.

Пожила бы Анна-то Гавриловна на одно учительское жалование, тогда бы понимала людскую нужду, входила бы в положение. А то только от неё и слышишь: «оборванцы да босяки». Ну, ладно, не горюй, что-нибудь придумаем. Лезь на печь, погрейся, на улице-то морозно.

— Нет, мама, мне не холодно, я лучше сбегаю в мастерскую, попроведаю дядю Степана.

— Что же, сходи,— разрешила мать.— Да не дури там очень-то, крикнула она вдогонку сыну.

2

— А, Василий! Заходи, заходи,— произнёс рыжеватый, среднего роста рабочий в длинном парусиновом фартуке, окрашивающий доску. Это и был дядя Степан. Сдвинув на лоб небольшие очки в белой металлической оправе, он спросил:

— Отец-то что пишет, Вася?

— Давно уже писем не получали. В последнем письме прописывал, что весной вернётся, тяжело ему там приходится.

— Да уж к англичанам только попади, жилы вытянут, на это они мастаки. А ты почему сегодня не в школе?

— Рубаха изорвалась, вот Анна Гавриловна и вытолкнула,— ответил Василко насупившись.

— Ну ладно, не огорчайся, скоро обед, снимай-ка пальтишко, да приготовь картофель по-пролетарски, ты у меня сегодня будешь за повара.

Василке это было не впервой. Раздевшись, он снял с гвоздя кошолку с картофелем и начал поварить. Разрезав ножом несколько сочных картофелин на пласточки равной толщины, он разложил их на пышущую жаром большую чугунную печку, стоящую посередине мастерской. Затем, посолив каждый пласточек, Василко дождался, когда они поджарятся, перевернул на другую сторону и через несколько минут кушанье было готово.

— Дядя Степан, готово,— позвал Василко.

— Ну, давай поедим горяченьких,— сказал дядя Степан, подавая Василке ломоть хлеба.— А вкусные они сегодня у тебя вышли, так и похрустывают.

Вслед за дядей Степаном начали обедать и другие рабочие, устроившись на своих верстаках. Одни ели хлеб, запивая молоком, другие — квашеную капусту с вареным картофелем, а подсевший к печке старичок Никодимыч достал из своей сумки шаньги.

— Старуха моя сегодня ни свет ни заря стряпню затеяла,— проговорил Никодимыч, разламывая шаньгу и подавая одну половину Васе.— Что думаю за притча, никогда этого в будни не бывало, капиталы не позволяют. А, оказывается, ей почудилось, что сегодня какой-то большой праздник. Я молчу, шанег-то все-таки поесть охота. Когда дело разъяснилось, она на меня взъярилась: почему, говорит, не сказал, зря только добро перевела. Ну, потом постепенно отошла. Вот и выходит, что шаньги-то мне по ошибке сегодня достались,— заключил он.

— А ты, Никодимыч, календарь ей заведи, пусть по календарю стряпает,— посоветовал один из рабочих.

— Она у меня грамоте не учёная, лишний расход. Ты, Вася, выходит, тоже отучился,— обратился старик к мальчику.

— Нет, я буду обязательно учиться.

— А как же с рубахой-то, видишь она у тебя на ленточки вся расходится.

— Мама что-нибудь сделает.

— Правильно, надо учиться. Ты скажи-ка матери, пусть вечером зайдёт к нам, моя старуха, может, выберет что-нибудь из старья, а мать для тебя приспособит.

— Спасибо, Никодимыч, скажу.

В это время в мастерскую вошёл хозяин.

— Эк, как вы хорошо расселись, а кто за вас работать будет, лодыри,— произнес он, проходя к своему верстаку и снимая полушубок.

Рабочие разошлись по своим местам и принялись каждый за своё дело.

Владелец тележной мастерской Хрисанф Карпыч Шаньгин был одним из тех мелких хозяйчиков-паучков, которые, пользуясь безработицей, за ничтожную плату старались выжать из рабочих как можно больше прибыли, выдавая это за благодеяние.

Небольшого роста, сухощавый, со светлыми волосами, подстриженными под кружок, и такой же белесой бородой, одетый в длинную, отбеленного холста рубаху, Хрисанф походил на Серафима, саровского чудотворца, небольшое олеографическое изображение которого висело в простенке мастерской.

«Наш Христос», в насмешку звали его между собой рабочие.

Он казался подслеповатым, но в действительности от его выцветших глаз не ускользало ни одно движение рабочих.

Вот Прохор Вилюжев, высокий жилистый парень, топором оттёсывающий дубовый обод, замедлил работу и тюкает по одному и тому же месту.

— Прошка, уснул! Смотри, нос оттяпаешь,— негромко съязвил Хрисанф. Прохор встрепенулся, и топор часто замелькал в воздухе, вгрызаясь в неподатливое крепкое дерево.

— Ты, Прошка, парень ядрёный, ты пляши вокруг колодки-то,— заметил Хрисанф.

Прохор исподлобья, зло посмотрел на него, но ничего не сказал.

Василко лёг на большую груду желтоватых стружек, приятно пахнущих смолой. Рабочие, занятые своим делом, молчали. Глухо стучал топор Прохора, повизгивала лучковая пила, впиваясь в древесину, пели на все лады фуганки и рубанки, мелькавшие в руках рабочих, обстругивающих доски и дроги. Василко задремал под эти звуки.

Но вот дверь отворилась и в мастерскую вошел Васин одноклассник Генька, сын дяди Степана.

— Ты что, Геннадий, зачем пришёл? — спросил отец.

— Да, я к Василке, тятя, бегал, а мать сказала, что он здесь, у тебя.

— Вон, он валяется на стружках, ступай к своему дружку.

— Не жизнь тебе, Василко, привалила, а прямо малина, полёживаешь тут, прохлаждаешься,— сказал насмешливо Генька, подойдя к другу.

— Тебе бы такую малину! Я завтра всё равно в школу пойду. Анна-то Гавриловна очень злая была, когда я ушёл?

— Нет, ничего. Только Саньку поставила к печке на колени да Ивашке съездила линейкой по руке за то, что он нечаянно чернильницу опрокинул.

— Ты мне покажи, какие уроки сегодня на дом задали,— попросил Василко.

— Обязательно, вечером вместе выполним, да и что в классе объяснили, тоже расскажу. Давай поборемся по-татарски.

— Ну, давай!

Ребята умяли стружки, легли рядом, головами в разные стороны, сцепились левыми ногами и начали сколько есть силы нажимать ими, стараясь перекувырнуть один другого. Долго пыхтели ребята, не уступая друг другу, пока Генька не схитрил и не усилил нажима рукой. Василко, хотя и заметил недозволенный приём товарища, но не успел ничего предпринять и оказался перекувыркнутым через голову.

— Ах, ты плутовать! — воскликнул он и бросился на товарища, стараясь загнуть ему салазки. Ребячья возня продолжалась бы, вероятно, долго, если бы не окрик хозяина:

— Эй, вы там, сорванцы, хватит мяться, пыль поднимать,

возьмите лучше да пообдирайте вон дроги.[1] Всё польза будет.

Ребята охотно согласились. Работа была не сложная: берёзовые дроги надо было очистить от коры, оставив её только на концах.

Вооружившись скобелями[2], друзья взяли по дроге, упёрли их одним концом в пол, а другим в бревенчатую стену, оседлали и с увлечением принялись за работу.

Скобели с треском сдирали берёсту вместе с корой и обнажали дерево. Дело казалось не трудным, но, не имея сноровки, ребята то слишком глубоко вонзали скобель и захватывали древесину, то натыкались на сучки и тратили много силы на их срезку. Очистив по паре дрог, мальчики выдохлись и потеряли интерес к работе. У Геньки на правой ладони уже вскочила водянистая мозоль.

— Слабоваты вы ещё для работы-то,— заметил наблюдавший за ними дядя Степан.

А Хрисанф подошёл, осмотрел очищенные дроги, не испортили ли и сказал:

— Вот и работали бы, чем погоду-то пинать.

— Мы учимся, а не погоду пинаем,— возразил Генька.

— Из вашего ученья не шубу шить, толку всё равно никакого не будет, из грязи-то не выходят в князи, писарями вас никто не поставит.

— А мне тятя рассказывал про одного сына крестьянина, по фамилии Ломоносов, так он, чтобы попасть в Москву учиться, больше тысячи вёрст по морозу пешком прошёл, а всё-таки добился своего, стал учёным, сама царица с ним разговаривала. Вот это да! Нет, надо учиться,— закончил Василко.

— Тоже мне, новый Ломоносов нашелся,— раздражённо пробурчал Хрисанф,— нос сломаешь, ты ещё дроги-то не умеешь обдирать, учёный. Дроги бы лучше скоблил.

— А почём будешь платить? — поинтересовался Василко, у которого мелькнула мысль о возможности заработать на рубашку.

---

[1] Дроги — длинные берёзовые палки, из которых изготовляются оглобли и часть верхнего покрытия телеги.

[2] Скобель — кривой нож с двумя поперечными ручками для снимания коры с брёвен.

— По грошу за пару дам.

— Ой, как мало, мы только по паре оскоблили, уже вспотели и мозоли успели натереть, а, выходит, заработали бы только по грошу,— воскликнул Генька.— Нет, я не буду. Пойдём, Василко, лучше уроки учить.

Ребята оделись и вышли на улицу.

— Ты что это, Хрисанф Карпыч, всё время нам платил по копейке за пару, а теперь уж на грош съехал. Побойся бога-то, и так ничего не зарабатываем,— заговорил Никодимыч.

— Бога ты не тронь, он такими делами не занимается,— ответил хозяин. С вами другой разговор будет, а ребятам — и гроша лишка, куда им деньги, на баловство.

3

На другой день Василко явился в школу в полинявшей бурого цвета рубашке, которую мать перешила из пожертвованной Никодимычем старой ситцевой рубахи. Правда, и на ней уже были заплаты, но не очень много.

Анна Гавриловна внимательно осмотрела Василкину «обнову», презрительно скривила губы, но ничего не сказала.

— Как бы опять не выгнала,— подумал Василко и ему стало не по себе: надо что-то делать.

Вернувшись из школы, Василко выполнил домашнее задание и снова отправился в мастерскую. Хозяина там не было, и рабочие оживленно разговаривали. Оказывается. Прохор сегодня проспал и опоздал на работу. Обозленный Хрисанф сказал, что рассчитает Прохора.

— Да, плохие дела,— заметил Никодимыч.— Наш-то живоглот пользуется безработицей, готов три шкуры с нас содрать. А всё-таки ребята будем действовать, как порешили, сообща, если он даст Прохору расчёт.

Все молчаливо согласились.

Вошёл хозяин. Сидевший около печки Василко встал, нерешительно подошёл к нему.

— Хрисанф Карпыч, дайте я буду дроги очищать, мне на рубаху надо заработать.

— Рубаха-то стоит больше рубля, а где тебе, сморчку, на столько дрог очистить, их надо без малого четыре сотни перебрать. Скобли, только больше гроша за пару не заплачу.

Оскоблив несколько дрог, Василко вспотел и остановился.

— Скоро же ты пошабашил, так тебе до морковина заговенья на рубаху-то не заработать,— ехидно заметил хозяин.

— Ничего, я вот только маленько отдохну и опять примусь.

В этот день Василко оскоблил всего шесть дрог, заработал полторы копейки. До заветного рубля было очень далеко, а на ладонях он уже натёр большие водянистые мозоли, болела спина, ломило ноги. На другой день во время урока чистописания ему попало от Анны Гавриловны. Мозоли на правой руке лопнули и болели, буквы выходили неровные, одна выше, другая — ниже. Учительница сказала, что они у него качаются во все стороны, как пьяные, пригрозила оставить без обеда и велела переписать все дома.

Василко совсем упал духом и решил больше не ходить в мастерскую и отказаться от несбыточной затеи.

Возвращаясь из школы вместе с Генькой, он рассказал ему о своих горестях.

Генька сначала начал смеяться над товарищем.

— Вот тоже выдумал, заработать на рубашку, шуточное ли это дело. Ведь чтобы получить только гривенник надо сорок дрог очистить, а рубль — так в десять раз больше — четыреста штук. Нет, невозможно,— заключил Генька.

— А как же я учиться-то буду. Анна Гавриловна, гляди, скоро опять из школы погонит,— мрачно ответил Василко.

Некоторое время друзья шли молча.

Генька смотрел внимательно на друга, что-то соображая, потом воскликнул:

— А, давай, Василко, я тебе помогу, вместе будем работать.

— Как это вместе, и рубаху тоже вместе будем носить?

— Нет, рубаху ты один носи, у меня ещё новая есть, а работать будем вместе.

— А твою долю, как я тебе отдам? — всё ещё сомневался Василко.

— Мне ничего не надо, будем работать вместе, а деньги тебе. Ты меня за это летом плавать научишь, ладно?

— Ладно!

Друзья повеселели и наперегонки побежали домой, толкая друг друга в сугробы, возвышающиеся по сторонам дороги.

Часа через два они пришли в мастерскую и принялись за дело.

— И ты, Генька, тоже решил капиталы зарабатывать? — спросил сына дядя Степан.

— Нет, я только Василке помогаю, ему одному не справиться.

— Вот за это, сынок, хвалю, молодец, надо товарища всегда выручать.—А ну-ка, я посмотрю на вашу работу. Ты, Василко, круто скобель-то держишь, держи положе. Он легче пойдёт. Вот так. Да и скобели-то у вас туповатые, дайте-ка я их наточу.

Дядя Степан заставил ребят попеременно крутить железную ручку точильного круга и наточил скобели.

Работа пошла легче и быстрее. Оскоблили мальчики вместе уже около двадцати дрог.

4

Трудились друзья более двух недель. За это время они втянулись в дело и хотя на руках у них появились толстые загрубелые мозоли, но спины уже не болели, а мускулы на руках стали крепкими, как отшлифованные речные гальки.

Очищенные дроги занимали весь уголь мастерской, и ребятам казалось удивительным, что всё это обработано их руками. А когда количество дрог перевалило за четыреста, друзья попросили хозяина рассчитаться с ними.

— Приходите завтра ко мне домой.

На другой день ребята, оживленно разговаривая и смеясь, явились к хозяину.

Он вышел на кухню и отдал Василке заранее приготовленную кучку медяков.

Василко зажал деньги в ладонь так крепко, что побелели пальцы, и счастливые ребята бегом помчались домой.

— Что это вы сияете, точно именинники? — спросила мать вошедших ребят.

Василко, ни слова не говоря, разжал кулак и высыпал медяки на стол.

— Откуда у тебя столько денег?

— Заработали у Хрисанфа вместе с Генькой мне на рубаху.

Мать сначала не поверила, но после горячих объяснений друзей стала пересчитывать деньги.

— Девяносто одна копейка, — сказала она.

— Не может быть! — вскричали разом ребята. — Мы очистили 418 дрог, значит, нам полагается рубль и четыре с половиной копейки. Ну-ка ещё раз вместе пересчитаем.

Но как тщательно ни считали, больше 91 копейки не насчитывалось. Ребята хотели бежать обратно потребовать у хозяина остальные деньги, но мать их остановила.

— Не ходите, бесполезно, он скажет, что выдал правильно, знать ничего не знает. Ах, он, подлый человек, и тут сплутовал, позарился на ваши трудовые копейки. Пусть он ими подавится. Не ходите, ребята, не унижайтесь.

Через несколько дней мать, добавив несколько медяков к заработанным, купила черного сатина и сшила Василке рубашку.

Утром он надел её, погладил по матово блестевшей шелковистой поверхности своими натруженными руками и, весело посвистывая, отправился в школу.

ВОЛШЕБНЫЕ СТЁКЛА

Б. Дижур

I.

«Коль много микроскоп
нам тайности открыл»...

М. В. Ломоносов.

Приходилось ли тебе когда-нибудь заглядывать в микроскоп? Помнишь ли ты это чувство ни с чем не сравнимого радостного открытия?

Сощуришь один глаз, а другим прильнёшь к трубе с увеличительными стеклами и... удивишься!

Там, внизу, на стёклышке, только что дрожала прозрачная капля воды. Но что это? Откуда взялись в ней эти вёрткие существа? Они крутятся, толкаются, куда-то беспрерывно спешат.

Посмотри! Посмотри! Одно из них мгновенье тому назад казалось круглым... Но вот оно выпустило щупальцы и тянется к другому маленькому шарику.

А это?! Продолговатое тельце поблескивает множеством мелких ресничек, точно подмигивает тебе...

А вот что-то похожее на трубу. Посмотри, как оно вдруг съежилось и превратилось в сморщенный клубочек...

Удивительно! Удивительно смотреть на эту непонятную жизнь... Откуда в капле прозрачной воды появились живые существа? Может быть, они жили в трубе микроскопа?

Убери поскорее стеклышко с каплей воды. Теперь, заглянув в трубку микроскопа, ты увидишь только светлый круг. Значит, все продолговатые, круглые, юркие существа, действительно, находятся в воде. Но без увеличительных стекол ты никак не сможешь их рассмотреть. Очень уж они малы! А что если взять кусочек своей кожи или зеленый листок и тоже рассмотреть их под микроскопом?

И вот, снова удивительная картина!

Зеленый листок теперь похож на сетку с огромным количеством ячеек — квадратных, продолговатых, закругленных. А кожа? И она оказывается состоит из отдельных ячеек, как медовые соты.

Отойдёшь от микроскопа и совсем по-новому посмотришь на окружающий тебя мир.

Что же это! Оказывается, наши глаза многого не могут видеть! Оказывается, мир вокруг нас гораздо сложнее и интереснее...

Тот, кто однажды сделает для себя такое открытие, захочет всё рассматривать под микроскопом: кусочек дерева и кристаллик соли, молоко, суп, бумагу, краску, лекарства...

Огромное значение микроскопу придавал великий русский учёный Михаил Васильевич Ломоносов.

Двести лет тому назад он написал о микроскопе такие стихи:

«Хоть острым взглядом нас природа одарила,
Но близок оного конец имеет сила.
Кроме, что вдалеке, не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей.
И многих тварей он ещё не досягает,
Которых малый рост пред нами сокрывает».

Дальше Ломоносов описывает невидимых животных, с которыми мы познакомились благодаря микроскопу:

«Коль тонки члены их, суставы, сердце, жилы,
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий кит,
Нас малый червь сложением дивит.
. . . .

Стеклом познали мы толики чудеса!»—восклицает Ломоносов и заканчивает свои стихи такими строчками:

«Прибавив рост вещей, она, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно,
Коль много микроскоп нам тайности открыл!
Невидимых частиц и тонких в теле жил!»

Михаил Васильевич Ломоносов—один из самых гениальных учёных, живших когда-либо на земле. Он изучал химию и физику, астрономию и строение металлов, слои земли и питание растений. Он открыл основные законы природы. О них мы ещё будем говорить в этой книге.

Кроме того, он был поэтом.

Михаил Васильевич Ломоносов был как бы живым университетом, у которого могли учиться многие поколения учёных. Его идеи и открытия в разных областях науки на сотни лет опередили своё время. И много замечательных исследований он проделал с помощью микроскопа.

Но ещё и до Ломоносова в России было немало людей, интересовавшихся микроскопическими исследованиями. Это были лекари и любители природы.

Для них изготовлялись даже специальные карманные микроскопы. Ими можно было пользоваться во время прогулок или в домашней обстановке.

В годы царствования Петра Первого при царском дворце существовала мастерская по изготовлению подзорных труб и микроскопов. В ней работал замечательный умелец Иван Елисеевич Беляев. Он знал все секреты тонкого и сложного искусства шлифования увеличительных стёкол. Это своё умение он передал сыну — Ивану Ивановичу. Но и со смертью старшего поколения Беляевых мастерство шлифовальщиков не исчезло. Оно перешло к сыну Ивана Ивановича — Андрею. Одновременно с Беляевым по изготовлению микроскопов работали Калмыков, Андрей Мартов и многие другие талантливые русские мастера.

Царь Петр придавал большое значение развитию наук в России и всячески поощрял всё, что могло способствовать этому развитию.

Он много встречался с различными учёными, а однажды, будучи в Голландии, решил лично посетить одного из создателей первого микроскопа — Антония Левенгука. Антоний Левенгук не был учёным. Он торговал мануфактурой и служил сторожем в городской ратуше. Так называлось учреждение, управлявшее городом.

В свободное время Левенгук шлифовал увеличительные стекла. Это был упорный и трудолюбивый человек. Ему хотелось отшлифовать такие стекла, каких никто до него не получал.

Как-то раз, заглянув сквозь свои стекла на каплю воды, взятую из лужицы, Левенгук был потрясён невиданным зрелищем. В воде плавали какие-то существа.

Одни из них были круглые, другие завивались, как спиральки, третьи казались вытянутыми в длинную нить.

— Как забавны эти ничтожные зверюшки! — воскликнул Левенгук: — Ведь они в тысячу раз меньше самой маленькой песчинки!

С того дня Левенгук почти не отходил от своих волшебных стекол. Он рассматривал кусочки грязи с подошв, пищу, налёт со своих зубов и многое, многое другое.

Левенгуковские стёкла увеличивали в двести пятьдесят-триста раз. Благодаря им скромный торговец мануфактуры заглянул в мир, который до него не был известен ни одному человеку на земле.

Это — мир невидимых, мельчайших живых существ.

Они живут вокруг нас, на нашей коже, на нашей одежде, в нашей пище, в нас самих.

Антоний Левенгук назвал их «ничтожными зверюшками».

Он видел, как они двигались, ловили добычу, размножались и умирали. Он зарисовал их и вместе с описанием посылал в Лондонское учёное королевское общество.

Вскоре слава об открытии Левенгука облетела весь мир. Узнал об этом открытии и Пётр Первый. Вот почему он решил побывать у знаменитого шлифовальщика стёкол.

Один из земляков Левенгука рассказывает об этом событии так:

«Пётр I из Гааги уехал на яхте и, проезжая через Дельфт (город, где жил Левенгук), с большим вниманием осмотрел арсеналы Голландских Штатов.

Он приказал остановить яхту около порохового склада, который находится на реке Иш, на расстоянии четверти часа ходьбы от города. Через двух господ из своей свиты он пригласил знаменитого Левенгука с его несравненными увеличительными стёклами на один из сопровождавших его кораблей.

Он и сам, проезжая мимо его дома, готов был бы заехать к нему, но намеренно отказался, чтобы избежать наплыва толпы.

Приглашённый Левенгук имел честь, помимо других редких открытий, показать государю, к его великому удовольствию, поразительный круговорот крови в хвосте угря...

Таким образом, прошло два часа в различных наблюдениях. Уезжая, царь пожал Левенгуку руку и выразил ему особую благодарность за предоставленную возможность увидеть такие необычайно маленькие объекты» [1].

Автор этого рассказа не сообщает, какие еще «необычайно маленькие объекты», кроме кровеносных сосудов угря, показывал Левенгук русскому царю. Но можно догадаться, что среди них были и «ничтожные зверюшки».

Некоторые историки утверждают, что Пётр Первый купил у Левенгука микроскоп и привёз его в Россию. Другие отрицают это. Но так или иначе, известно, что изготовление микроскопов в России началось со времён Петра.

II.

«Слава тех не умирает,
Кто за отечество стоит».

Державин.

Одно из замечательных открытий, сделанное при помощи микроскопа, принадлежит русскому ученому Павлу Фёдоровичу Горянинову.

---

[1] С. Л. Соболь, История микроскопа и микроскопические исследования в России в XVIII в., изд. Академии Наук 1949 г. (М.—Л.).

Павел Фёдорович жил в первой половине девятнадцатого века. Был он профессором Медико-хирургической Академии в Петербурге.

Это был очень образованный и, вместе с тем, очень скромный человек. Он любил науку, был большим патриотом своей родины и всю жизнь трудился, открывая новые, ещё неизвестные в науке закономерности.

Многое из того, что писал в своих книгах Павел Фёдорович Горянинов, оспаривалось его современниками.

Только теперь, спустя сто с лишним лет, учёные по заслугам оценили работы и мысли замечательного русского учёного.

Рассматривая в микроскоп лепестки цветов, зелёные листья, тонкие срезы корней и стеблей, Павел Фёдорович установил, что все органы растения состоят из отдельных ячеек — клеточек. Каждая такая ячейка или клеточка как бы отделена от другой перегородкой. Это было в 1827 году.

А ровно через десять лет — в 1837 году Павел Фёдорович сообщил миру ещё об одном своём открытии. Оказалось, что не только растения, но и тела животных состоят из отдельных клеточек. Какую бы ткань тела ни взять: кость или кожу, кровь, нервы или мышцу — везде увидишь клеточное строение. Клетки растений отличаются от клеток животных. Но клеточное строение присуще всему живому. И в этом отличие живой природы от неживой. Ни один камень, ни один минерал не имеет клеточного строения.

Что же из себя представляет клетка? Как она устроена?

В школе на уроках учительница вам показывала под микроскопом кожицу луковицы. Помнишь, как выглядят её клетки?

Узкие, вытянутые в длину ячейки. Каждая такая ячейка отделена от другой тонкой, прозрачной стенкой. Внутри ячейки можно рассмотреть полужидкую массу. Она расположена в виде узких канальчиков вдоль стенок клетки и тянется поперечными стойками от одной стенки к другой. Эту полужидкую массу учёные называют протоплазмой. Она состоит из того замечательного вещества, которое таит в себе основные признаки жизни — из белка.

Кроме протоплазмы в клетке имеется ядро. Это небольшое тельце, круглое или вытянутое. Оно тоже построено из белковых веществ. Но отличить его от протоплазмы нетрудно. Оно отделено особой ядерной оболочкой. Ядро — очень важная часть клетки. Оно принимает участие в образовании новых клеток.

Когда живое существо растет, у него увеличивается число клеток. Тебе, наверное, не раз случалось исцарапать руку или ногу, а, может быть, и сильнее пораниться. Задумывался ли ты над тем, почему довольно быстро на месте царапины снова появляется здоровая кожа?

Это происходит благодаря способности живого организма создавать новые клетки. Любая самая глубокая рана затягивается, зарастает.

У выросшего, взрослого организма уже не так быстро появляются новые клетки. Вот почему у стариков и раны медленнее заживают и кости при переломах хуже срастаются.

Клетки любого органа, любого живого существа, находятся постоянно в работе. В природе идёт беспрерывное строительство. Возьмём для примера дерево. Всю жизнь оно строит своё тело. Каждый орган дерева выполняет какую-то определённую работу.

Корни усиленно насасывают из земли необходимую влагу с питательными веществами, листья поглощают воздух, тянутся вверх ветви, набухают почки, созревают сочные золотистые плоды. И если рассматривать в микроскоп клетки плода, стебля или листа, то окажется, что они имеют различную форму.

Клетки каждого растения, каждого органа отличаются друг от друга.

Ты рассматривал в микроскоп кожицу луковицы и знаешь, как устроены её клетки. Но взгляни на тонкий срез ствола сосны, или лепесток розы и ты увидишь клетки иной формы.

Клетки листа крапивы не похожи на клетки её корня. Так же точно у животного и человека: клетки кожи, сердца, печени или кости не похожи друг на друга.

Открытие клеточного строения всех живых существ, сделанное Горяниновым, сыграло важную роль в дальнейшем раз-

витии науки. После него учёным представилась возможность детально изучать природу. Стало ясно, что между растениями и животными есть много общего. С другой стороны, стало ясно существенное отличие природы живой от неживой. Это очень хорошо понимал Фридрих Энгельс. Он писал так:

«Только со времени этого открытия стало на твёрдую почву исследование органических живых продуктов природы».

Но, придавая такое значение этому открытию, Фридрих Энгельс, как впрочем и все его современники, ничего не знал о скромном русском учёном — Павле Фёдоровиче Горянинове.

Дело в том, что, спустя несколько лет после Горянинова, это же самое открыли два немецких ученых: Теодор Шлейден и Карл Шванн. Ещё и теперь во многих книгах о клеточном строении можно встретить их имена. Им приписывалась роль первооткрывателей.

А, между тем, открытие клеточного строения всех живых существ сделано русским учёным, имя которого следует запомнить.

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Серёжкина весна

Бэла Райдерман

Рисунки Е. Гилёвой

Раз-два! Раз-два! Пришла весна, пришла весна! Шагает Серёжа, улыбается. Раз-два, раз-два! Вот хорошо! Лучше и не надо Серёже. Тепло, солнышко. А лучики у солнышка такие мягкие, ласковые, совсем как мамины руки.

А как красиво ломается под ногами ледок! Такой он тоненький, прозрачный, узорчатый, как штора на окне.

Идёт Серёжа из школы, шапка на ухо съехала. Жарко! А тут ещё пальто и калоши. И шарф! Ух! И всё это бабушка. «Холодно ещё совсем,— говорит — простудишься».

Очень любит Серёжа бабушку и слушается её всегда, да только всё ещё бабушка думает, что он, Серёжа маленький.

А какой же он маленький! Ведь он уже почти второклассник! И значит, скоро пионером будет. Пи-о-не-ром! Слово это очень нравится Серёже, а уж как интересно называться этим словом и быть — «пионер — всем ребятам пример!» Шагает Серёжа, улыбается.

А воздух чистый, голубой и даже ещё немножко розовый. Прямо вкусный какой-то. Вот есть здорово хочется! Быстрее идти надо. Но как, если кругом всё такое!

Серебряный ручеёк. Бежит, журчит, смеётся потихоньку. Нельзя же пройти равнодушно и не поболтать в нём ногами! Это ничего, что немножко холодной воды в ботинок попало. Закаляться надо!

А вот мальчишки. Незнакомые. Прыгают, смеются и «ура» кричат. Весело! Это они снежную бабу атакуют. От этой бабы уже половина только осталась.

А Серёжа с Павликом и Борей, когда ещё зима была, играли в высотные стройки, а вчера проводили канал Волго-Дон. Канал, конечно, маленький получился, но ведь это игра!

Шагает Серёжа дальше. Раз-два, раз-два! О, и деревья весной какие-то не такие! Высокие, хоть и чёрные пока совсем. А как хорошо будет, когда школьный «Сад мира» зазеленеет! И все другие сады тоже. Город станет ещё красивее и нарядпее. Любит Серёжа свой город!

А птички кругом разговаривают, щебечут, совсем как маленькая Ленка. Нужно беречь птиц!

Серёжа сделал два скворечника (папа тоже помогал) и покрасил их белой краской, чтобы птичкам было приятно.

И на реке уже, наверное, лёд ломается. Это называется ледоход.

Вера Васильевна сказала, что в воскресенье пойдём реку смотреть. Вот хорошая у Серёжи учительница, очень хорошая,

на весну похожая. Такая красивая, весёлая, хоть и строгая, а хорошая. И как интересно рассказывает! А пишет как!..

И всегда-то Вера Васильевна знает, что ему, Серёже, больше всего увидеть и узнать хочется. И книжку они интересную почитают, и на реку пойдут, и в музей, и в зоопарк... А придёт лето — поедет Серёжа в деревню к дедушке. Колхоз у дедушки очень богатый. И деревня, как настоящий город: в ней большие красивые дома, сады. В садах есть и яблоки, и вишни.

Хорошо жить! Шагает Серёжа улыбается. Раз-два, раз-два!

Весна, здравствуй!

ГЛОТОЧЕК ВОДЫ

А. Салынский *Рисунки О. Коровина*

В нашем доме ремонтировали водопровод. Слесарь дядя Витя ходил перепачканный в ржавчине и масле. Он спешил скорее закончить работу, торопил своих товарищей мастеров-водопроводчиков. Да и как было не спешить, если во всех квартирах четырехэтажного дома нет ни капли воды. Надо умываться, убирать комнаты, готовить пищу, мыть посуду, стирать белье, — а воды нет и нет. Наконец, всем людям — взрослым и детям, всем кошкам и собакам и даже ёжику, что живёт в квартире на первом этаже, — всем хочется пить. Вот это уж совсем плохо, когда хочется пить, а воды нет.

Мама принесла два ведра воды из колонки, и ушла на работу. Коля остался дома с сестрой Галей.

Галя занималась по хозяйству, и сама не заметила, как израсходовала всю воду. Зато всё у неё было в порядке. Она вымыла полы, сварила обед и даже выстирала Колину панамку. Но как раз в тот момент, когда Галя умылась, и, гордая, ходила по чистым комнатам, со двора прибежал Коля.

— Галя, дай попить!

Галя прошла в кухню, где обычно стоял графин с водой, но вышла оттуда с пустыми руками.

— Воды больше нет, — сказала она. — Потерпи немножко, я схожу к колонке и принесу ведёрко.

Вы думаете, Коля согласился потерпеть? Нет, он начал требовать воды.

— Я сейчас хочу пить! Я не хочу терпеть!

Он требовал всё громче и настойчивей и, наконец, расплакался.

— Пить! Воды! Один глоточек...

Галя взяла ведро и хотела уже выйти, но в дверь постучали.

— Войдите, — сказала Галя.

Вошла соседка, тётя Наташа. Она дружила с мамой, и в часы, когда мама была на работе, она частенько заходила.

— Что это у вас тут происходит? — строго спросила тётя Наташа и улыбнулась.

Коля сидел на полу и растирал по щекам слёзы. Он был в вязаных трусиках и сандалиях, загорелый, с выцветшими на солнце волосами — мальчик как мальчик. Про него ребята во дворе говорили, что он сильный. Ему только шесть лет, а он уже может побороть Вовку Самохина, который уже ходит в первый класс. Мало того, что Коля сильный, он ещё и бегает быстро. Обгоняет Лельку Гвоздикову. Та почти на голову выше, а он её всё равно обгоняет. И вот, такой хороший мальчик сидит на полу и растирает кулаками слёзы. Позор!

— Тебя обидели? — спросила тётя Наташа.

— Нет.

— Почему же ты плачешь?

— Я хочу пить.

Галя подняла в руке пустое ведро:

— Вот я уже собралась, а он не хочет потерпеть. Ревёт... Как не стыдно?

Тётя Наташа ничего не сказала. Молча она прошла через комнату, села на диван. Ещё минуту назад она была такая весёлая, улыбчивая, а сейчас её лицо стало строгим. Она смотрела в одну точку на стене и молчала. Она молчала так долго, что Коля удивился и перестал плакать. А Галя осторожно попятилась и вышла из комнаты. В дверях Галя звякнула своим ведром, и только тогда тётя Наташа как бы очнулась. Она вздохнула, потерла лоб и сказала:

— Коля, у меня есть вода, я могу тебя напоить.

Но она сказала это таким тихим голосом и так медленно, что Коля, долго пережидавший её молчание, ещё больше растерялся.

— Могу напоить, — повторила тётя Наташа. — Но ты прежде послушай, что я тебе скажу...

Тётя Наташа иногда рассказывала интересные сказки. Коля любил её слушать.

— Про что, тётя Наташа? — по привычке спросил он и слегка придвинулся по полу к дивану.

— А вот слушай... Только раньше давай сядем на диван, так будет удобнее, чем на полу.

Тётя Наташа усадила Колю к себе на колени.

— Это случилось, когда была война,—начала тётя Наташа.

— С немцами?

— С немецкими фашистами. И случилось это с нашим Серёжей.

— С вашим Серёжей? — переспросил недоверчиво Коля.— Что ж могло случиться с Серёжей Горчаковым? Серёжка — слава и гордость всех ребят не только дома № 84, а всей улицы. Когда он в воскресенье идёт домой, как он говорит, по увольнительной, все ребята бегут ему навстречу.

Черный мундир суворовца, фуражка с малиновым околышком, брюки с широким красным кантом — это ж загляденье!

Коля гордится даже тем, что Серёжка — его сосед, что его мама дружит с Колиной мамой. Ребята обступают Серёжку во дворе, щупают его погоны, трогают начищенные до блеска пуговицы мундира. А он—хороший парень!—никогда не задаётся, разрешает всё потрогать, а однажды даже показал ребятам увольнительную записку. Ох, какой серьёзный документ! Серёжка Горчаков через год кончит суворовское и поступит в офицерское училище, он прекрасно играет в футбол, знает много стихов. Ну, а если говорить о том, какой он сильный да ловкий, то тут уж просто нечего и говорить: сравнить его ни с кем невозможно.

Вот какой Серёжка Горчаков. И с ним что-то могло случиться!.. «Э, хитрит тётя Наташа, — подумал Коля и покосился на неё одним глазком.— Послушаем, что будет дальше».

Тётя Наташа заглянула Коле в лицо:

— Малыш ты, малыш, — сказала она. — Вот и Серёжа мой тогда был такой же, как ты... Так вот перед войной мы жили в белорусском городе Гродно. Он далеко от Урала, но близко к Германии. Поэтому, когда фашисты напали на нашу страну, из этого города многие не успели уехать, эвакуироваться. Не успели уехать и мы с Серёжей. А папа наш тогда был ещё жив, но он с первого дня войны воевал на фронте.

Тётя Наташа снова немного помолчала, и в глазах у неё блеснули слёзы. Но она тут же улыбнулась и сказала громким и каким-то звенящим голосом:

— Да, папа наш был на фронте, он погиб после... а тогда, когда мы были в Гродно, он сражался далеко от города, и поэтому никак не мог нам помочь эвакуироваться...

Коля уже не раз слышал рассказы о войне. Он взглянул снизу вверх на тётю Наташу и понимающе шмыгнул носом.

— Фашисты захватили город Гродно... Они ходили по домам, искали семьи коммунистов... членов партии, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Коля. Его папа тоже был членом партии — и Коля этим гордился.

— Всех стариков, женщин, детей,— продолжала тётя Наташа, — фашисты сгоняли за колючую проволоку, в концентрационный лагерь.

Мы жили на окраине города в маленьком одноэтажном доме. Как только я узнала, что немцы рыщут по нашей улице, я сразу решила: надо куда-то скрыться. Но куда? Уйти некуда, везде стоят часовые. Раздумывать тоже некогда... Я схватила Серёжу на руки и мы забрались на чердак. Мы забились в самый тёмный угол. Там были стропила, стройки,— они подпирали крышу, и маленький выступ. Сели мы за этот выступ, притаились и сидим... Темно, только через слуховое оконце пробивается тонкий снопик света. Жарко, душно... Пахнет пылью и разогретым на солнце железом крыши...

— Страшно? — спросил Коля.

— Да, было очень страшно. С улицы — крики людей, выстрелы: это немцы силой выводили из домов тех, кто не хотел им подчиняться. Некоторых фашисты тут же расстреливали.

Нас ожидала та же участь. Или умереть, или — за колючую проволоку, а там тоже смерть.

Серёжа сперва всхлипывал от страха. Потом я его потихоньку успокоила.

На чердаке было так душно, будто мы сидели не под крышей, а под огромной раскалённой сковородкой. К железу, которое было у нас над головами, нельзя притронуться...

Духота разморила Серёжу и он уснул. А шум на улице громче, громче. Значит, фашисты подходят ближе к нашему дому. Вот хлопает калитка, они уже входят во двор, лязгают оружием, ругаются, хохочут... Видно, они были пьяные.

Громко стучат сапогами, входят в дом. Потом: трах, дзинь... звенит посуда, стекла, трещат шкафы...

Я понимаю немецкий язык. Приложила ухо к потолку. Слышу:

— В этом доме жил майор Горчаков.

— По нашим сведениям, господин лейтенант, в городе осталась семья Горчакова — жена и сын.

— Надо разыскать.

— А, может быть, они прячутся где-нибудь в доме.

— Вряд-ли. Впрочем, загляните-ка в подполье.

Кто-то из немцев слазил в подполье, поднялся и доложил, что там только продукты: картошка, сало мёд.

— Забрать всё!

Я сидела, затаив дыхание. «Вдруг они залезут на чердак?» — думала я, а сама всё крепче прижимала к себе Серёжу. Что делать? Как спастись?

Спастись мне нужно было во что бы то ни стало. Один мой товарищ по работе неделю скрывался в городе от немцев. Его ранили, он умер и оставил мне очень важные документы. Я должна была их при первой возможности передать нашим. Документы были спрятаны у меня на груди. Оружия у меня нет никакого. Да если б оно и было, что я смогла бы сделать, если немцев много, а я одна, да ещё с Серёжей?

Только бы они не открыли, что мы на чердаке!

А тут Серёжа:

— Мама, мама...

Он проснулся и говорит так громко, будто нет никакой опасности.

— Мама, дай пить.

Я ему:

— Серёженька тише, милый.

А он ещё громче:

— Мамка, пить хочу!

Шепчу я ему:

— Серёжа, внизу — в доме и во дворе немцы, они могут нас убить...— а он спросонья не понимает, капризничает и твердит своё:

— Пить хочу! — да и только.

Он очень хотел пить. Губы у него распухли, слиплись от жажды, но где ж я возьму воды? Спуститься вниз — значит, попасть в лапы немцам.

— Мам, один глоточек! — просит Серёжка.

— Потерпи,— говорю я.— Вот уйдут немцы, я спущусь и принесу тебе целую кружку.

— Не хочу я терпеть... Я сейчас хочу пить...

Если бы немцы не кричали и не стучали, они сразу услышали бы Серёжу. Но бандиты были заняты грабежом. Слышно было, как они таскают вещи и складывают их в машину.

Я уже подумала, может быть, всё обойдётся благополучно. И вдруг снизу, со двора кричат:

— Эй, Вальтер! Посмотри-ка ещё на чердаке.

Наверное, это приказывал ихний командир. Я замерла.

— Молчи,— говорю я Серёже.— Сейчас они полезут сюда, на чердак... Молчи!

В нашем доме ход на чердак был прямо из коридора. Вот уже скрипят ступени лестницы... Потом откидывается дверка и снизу показывается голова в каске. Наши глаза успели привыкнуть к темноте. Нам всё видно, а немец, наверное, видел плохо. Он поднялся, осторожно шагнул во внутрь чердака. Осмотрелся, снова шагнул. В руке автомат, а сам, вижу, трусит... Постоял-постоял, потом выставил свой автомат:

— Тр-р-р-р-р-р-а-та-та...

Прижала я к себе Серёжу, лицом к груди, чтоб не смог закричать. А сама чувствую: что-то словно толкнуло мне в правую

руку. Смотрю — кровь... И сразу так больно стало, хоть кричи. Да что ж кричать? Тут и стонать нельзя, сразу себя выдашь. Сжала зубы и сижу, Серёжу лицом к груди прижимаю.

Немец решил, что чердак пуст,— и начал спускаться по лестнице.

Не заметил! Вот счастье-то!

Через несколько минут немцы ушли со двора. Серёжа едва дышал. Я подняла его, поднесла к слуховому оконцу. Он глотнул свежего воздуха и очнулся. Тогда я положила его, не могла держать: очень болела раненая рука... Вот, видишь, осталась метка?

Коля посмотрел, потрогал синеватую ямочку на руке тёти Наташи и спросил:

— А что было дальше?

— Я спустилась вниз, принесла Серёже воды. Он выпил полную кружку.

— А дальше?

— А потом нас выручили партизаны. Мы с Серёжей целый месяц жили в погребе у соседей. Однажды ночью пришли партизаны и забрали нас с собой в лес. Важные документы, которые я хранила, я передала командиру партизан.

Целый год пробыли мы в партизанском отряде.

— Мне Серёжка говорил... Вы были разведчицей? — спросил Коля.

— Да, разведчицей. Отомстила я фашистам — и за свою рану, и за смерть нашего папы. Я тебе когда-нибудь сама расскажу, как партизаны били фашистских гадов... Если бы Серёжа не заболел, я осталась бы в отряде. Но он заболел очень тяжело. Нас посадили в самолет, мы перелетели через фронт и прилетели в Москву. Там Серёжу вылечили и нас отправили сюда, на Урал. С тех пор мы здесь и живём... Серёжу приняли в суворовское училище. Он хочет, как и папа, быть офицером. Ему, как и всем людям, иногда бывает трудно. Но он хорошо помнит случай на чердаке... Он теперь понимает, что иногда нужно потерпеть.

— Факт,— согласился Коля.— Вот есть такая пустыня Кара-Кумы... Знаете?

— Знаю.

— Там огромный канал строят. Людей много, все хотят пить, а воды мало. Воду привозят на машинах. Галя мне читала.

Коля наморщил лоб и продолжал:

— Или стоит часовой на посту... Ему очень хочется спать, а уснёшь — товарищей подведёшь, врага пропустишь. Или бывает, что очень холодно... Серёжка нам рассказывал, как ихний командир суворовский лежал в снегу целый день. За врагом наблюдал, разведчик. А морозище был у-ух какой... Руки, ноги обморозил, а всё равно лежал.

— А как фашисты пытали Зою Космодемьянскую — помнишь, читали тебе? — спросила тётя Наташа.

— Читали. И в кино видел. Она всё равно не поддалась врагам, не выдала наших.

Коля увлёкся и припомнил ещё несколько примеров, причём говорил он так взволнованно, будто сам учил тётю Наташу стойкости и терпению.

— Вот видишь, какое это великое дело — быть стойким, терпеливым,— сказала тётя Наташа и ласково взъерошила Коле волосы.

Вошла Галя, она принесла полное ведро воды. Второпях забыв, что надо вскипятить воду, она зачерпнула кружку и поднесла Коле:

— На, пей, крикун.

Коля долгим взглядом смерил кружку, облизнулся, глотнул тягучую слюну, потом независимо шмыгнул носом и сказал:

— Спасибо. Не хочу.

Сказал и неторопливо вышел.

Галя недоуменно посмотрела ему вслед. А тётя Наташа понимающе улыбалась.

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

(к 100-летию со дня рождения)

К. Боголюбов

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк — выдающийся русский писатель — родился 7 ноября 1852 года.

Годы детства и юности он провел в Висимо-Шайтанском заводе, где отец его служил священником.

Висимо-Шайтанский завод расположен в самом сердце Уральских гор, на рубеже Европы и Азии. Зубчатой стеной опоясали его густые дремучие леса. Горы, одна выше другой, стоят, точно волны, застывшие на бегу. Три реки и два пруда составляют ещё одну особенность Висимо-Шайтанского завода.

Здесь, среди суровой и величавой природы горного Урала, протекли детские годы будущего писателя.

Книга в семье Маминых пользовалась большим уважением. В книжном шкафу размещались сочинения Пушкина, Гоголя, Кольцова, Некрасова.

— Это наши лучшие друзья,— говорил отец писателя детям, приучая их с малых лет с уважением относиться к печатному слову, как к источнику знания.

Впоследствии Мамин-Сибиряк так писал о значении детской книги:

«Детская книга — это весенний солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызывает рост брошенных на эту благодатную почву семян».

Рядом с домом Маминых находилась и школа, в которой маленький Митя учился вместе с десятком своих сверстников. Теперь это помещение занимает детская библиотека имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Среди школьных товарищей писатель с особенной любовью вспоминал Костю Рябова, сына заводского служащего. С ним и с охотником Николаем Матвеевичем Митя ходил по зелёным горам, окружавшим Висим, рыбачил, охотился.

После окончания начальной школы Митю отправили учиться в Екатеринбург в духовное училище. Неприветливо встретила «бурса» (так называли духовную школу) нового питомца. Нравы её были жестоки. Также сурова была и бурсацкая наука. Вместо сознательного усвоения текста, зубрили, то есть заучивали наизусть. Учеников за малейшую провинность наказывали розгами.

«Екатеринбургское училище не дало ничего моему уму,— писал Мамин-Сибиряк впоследствии,— я в нем не прочитал ни одной книги в продолжение двух лет и не приобрел никаких знаний».

В 1868 году он закончил духовное училище и поступил в Пермскую духовную семинарию, где проучился четыре года.

Немного знаний получил он и в семинарии. «Святые отцы в семинарии,— жаловался он отцу,— выкапывают всякую мертвечину, рухлядь, никуда не годную»...

Но зато здесь он смог познакомиться с сочинениями Герцена, Чернышевского.

В эти же годы он страстно увлекается естественными науками. «Зачитываясь книгами по естествознанию, я жил в каком-то совершенно фантастическом мире» («Первые студенты»).

К семинарскому периоду относятся и первые робкие попытки литературного творчества.

В 1872 году Дмитрий Мамин поступает в Медико-хирургическую Академию в Петербурге. Здесь он пишет несколько рассказов и роман «В водовороте страстей», печатается в столичных журналах и газетах.

Длительное время работает он в качестве репортера одной петербургской газеты.

Материальные лишения, а затем болезнь помешали ему продолжать образование.

В 1877 году Дмитрий Наркисович выехал на Урал. Отец его вскоре умер и на попечении Дмитрия Наркисовича оказались мать, брат и сестра. Мамины переезжают в Екатеринбург. Жизнь в Екатеринбурге — это самый значительный и яркий период в творческом пути писателя — период расцвета его могучего реалистического таланта. Все лучшие его произведения, такие, как «Уральские рассказы», «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца» написаны за эти годы.

Мамин-Сибиряк стал всероссийским писателем, чья популярность всё более и более росла. Трудом и талантом пробил он путь в большую литературу.

Живя в Екатеринбурге, писатель не переставал изучать жизнь Урала. Побывал он и в Зауралье и в Прикамье, поднимался на гору Иремель, жил в башкирских степях, принимал активное участие в Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке, сотрудничал в местной газете «Екатеринбургская неделя». Эта связь с жизнью родного края, с простым народом питала творчество певца Урала, давала красоту и силу ему.

Весной 1891 года Мамин-Сибиряк уехал в Петербург, где жил до самой смерти. За это время им было написано несколько романов на уральском материале («Золото», «Охонины брови», «Хлеб»), автобиографический роман «Черты из жизни Пепко», несколько романов из жизни интеллигенции и, наконец, чудесные «Аленушкины сказки».

В эти годы он познакомился с Чеховым и Горьким, с которыми завязались у него тёплые дружеские отношения. Чехов и Горький высоко ценили талант писателя-уральца.

Последние годы жизни Мамина-Сибиряка были тягостны: смертельный недуг приковал его к постели. Литературная критика того времени предпочитала замалчивать творчество писателя-демократа, беспощадного обличителя капитализма.

— Меня поймут и оценят в будущем,— с горечью говорил Дмитрий Наркисович.

В 1912 году исполнялось сорок лет его литературной деятель-

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ности. Сорок лет стоял он на боевом посту писателя-гражданина, горячего патриота своей родины. Всей силой своего большого сердца ненавидел он хищников капитала и любил честных и скромных тружеников, верил в светлое будущее России.

В начале ноября литературная общественность отмечала юбилей Мамина-Сибиряка, а через несколько дней, в ночь с 14 на 15 ноября он скончался.

Дмитрий Наркисович был похоронен на Александро-Невском кладбище рядом с Гончаровым. На цоколе памятника над его могилой высечен девиз покойного писателя: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот в чём настоящая жизнь и настоящее счастье».

Умер большой писатель, выразитель лучших традиций русской литературы, а в печати того времени это событие прошло незамеченным. Только голос ленинской «Правды» прозвучал искренним уважением к памяти писателя-гражданина.

Некролог «Правды» заканчивался знаменательными словами:

«Мир праху твоему, чистая душа! Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твоё имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности».

Это было как бы предвестьем всенародной славы, окружившей в наши дни имя Мамина-Сибиряка.

Мамин-Сибиряк написал много произведений для детей. Среди них такие высокохудожественные рассказы, как «Зимовье на Студёной», «Емеля-охотник», «Зелёные горы».

Прекрасны его «Аленушкины сказки». В них маленький читатель встретит и Воробья Воробеича, и Ерша Ершовича, и Воронушку-черную головушку, и медведка, и зайца, и петуха-забияку — персонажей народных сказок.

В этом сборнике мы помещаем рассказ «Емеля-охотник», и сказку «Притча о молочке, овсяной кашке и сером котишке Мурке».

Емеля-охотник

Д. Н. Мамин-Сибиряк *Рисунки Е. Гилёвой*

I

Далеко-далеко, в северной части Уральских гор, в непроходимой лесной глуши, спряталась деревушка Тычки. В ней всего одиннадцать дворов, собственно десять, потому что одиннадцатая избушка стоит совсем отдельно, у самого леса. Кругом деревни зубчатой стеной поднимается вечнозелёный хвойный лес. Из-за верхушек елей и пихт можно разглядеть несколько гор, которые точно нарочно обошли Тычки со всех сторон громадными синевато-серыми валами. Ближе других стоит к Тычкам горбатая Ручьевая гора с седой мохнатой вершиной, которая в пасмурную погоду совсем прячется в мутных серых облаках. С Ручьевой горы сбегает много ключей и ручейников. Один такой ручеёк весело катится к Тычкам и зиму и лето поит всех студёной, чистой, как слеза, водой.

Избы в Тычках выстроены без всякого плана, как кто хотел. Две избы стоят над самой речкой, одна на крутом склоне горы, а остальные разбрелись по берегу, как овцы. В Тычках даже нет

улицы, а между избами колесит избитая тропа. Да тычковским мужикам совсем и улицы, пожалуй, не нужно, потому что и ездить по ней не на чём: в Тычках нет ни у кого ни одной телеги. Летом эта деревушка совсем отделяется от всего остального мира непроходимыми болотами, топями и лесными трущобами, так что в неё едва можно пройти пешком только по узким лесным тропам, да и то не всегда. В ненастье сильно играют горные речки, и часто случается тычковским охотникам дня по три ждать, когда вода спадёт в них.

Все тычковские мужики записные охотники. Летом и зимой они почти не выходят из лесу, благо до него рукой подать. Всякое время года приносит с собой известную добычу: зимой бьют медведей, сохатых, куниц, волков, лисиц, осенью — белку, весной — диких коз, летом — всякую птицу. Одним словом, круглый год стоит тяжёлая и часто опасная работа.

В той избушке, которая стоит у самого леса, живет старый охотник Емеля с маленьким внучком Гришуткой. Избушка Емели совсем вросла в землю и глядит на свет божий всего одним окном, крыша на избушке давно прогнила, от трубы остались только обвалившиеся кирпичи. Ни забора, ни ворот, ни сарая — ничего не бывало у Емелиной избушки. Только под крыльцом из неотёсанных брёвен воет по ночам голодный Лыско, одна из самых лучших охотничьих собак в Тычках. Перед каждой охотой Емеля три дня морит несчастного Лыска, чтобы он лучше искал дичь и выслеживал всякого зверя.

— Дедко, а дедко! — с трудом спрашивал маленький Гришутка однажды вечером.— Теперь олени с телятами ходят, дедко?

— С телятами, Гришук,— отвечал Емеля, доплетая новые лапти.

— Вот бы, дедко, телёночка добыть... а?

— Погоди, добудем... Жары наступили, олени с телятами в чаще прятаться будут от оводов, тут я тебе и телёночка добуду, Гришук.

Мальчик ничего не ответил, а только тяжело вздохнул. Гришуку было всего лет шесть, и он лежал теперь второй месяц на широкой деревянной лавке под тёплой оленьей шкурой. Мальчик

простудился ещё весной, когда таял снег, и всё не мог поправиться. Его смуглое личико побледнело и вытянулось, глаза сделались большие, нос обострился. Емеля видел, как внучек таял не по дням, а по часам, но не знал, чем помочь горю. Поил какой-то травой, два раза носил в баню — больному не делалось лучше. Мальчик почти ничего не ел. Пожует корочку черного хлеба и оставит. Оставалась от весны солёная козлятина, но Гришук и смотреть на неё не мог.

— Ишь, чего захотел: телёночка,— думал старый Емеля, доковыривая свой лапоть.— Ужо, надо добыть.

Емеле было лет семьдесят,— седой, сгорбленный, худой, с длинными руками. Пальцы на руках у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходил он ещё бодро и кое-что добывал охотой. Только вот глаза сильно начали изменять старику, особенно зимой, когда снег искрится и блестит кругом алмазной пылью. Из-за Емелиных глаз и труба развалилась, и крыша прогнила, и сам он сидит частенько в своей избушке, когда другие в лесу.

Пора старику на тёплую печку, да замениться некем, а тут вот ещё Гришутка на руках очутился, о нём нужно позаботиться... Отец Гришутки умер три года назад от горячки, мать заели волки, когда она с маленьким Гришуткой зимним вечером возвращалась из деревни в свою избушку. Ребёнок спасся каким-то чудом. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребёнка своим телом, и Гришутка остался жив.

Старому деду пришлось выращивать внучка, а тут ещё болезнь приключилась. Беда не приходит одна...

II

Стояли последние дни месяца, самое жаркое время в Тычках. Дома остались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лесу за оленями. В избушке Емели бедный Лыско уже третий день взвывал от голоду, как волк зимой.

— Видно, Емеля на охоту собрался,— говорили в деревне бабы.

Это была правда. Действительно, Емеля скоро вышел из своей избушки с кремневой винтовкой в руке, отвязал Лыска и направился к лесу. На нём были новые лапти, котомка с хлебом за плечами, рваный кафтан и тёплая оленья шапка на голове. Старик давно уже не носил шляпы, а зиму и лето ходил в своей оленьей шапке, которая отлично защищала его лысую голову от зимнего холода и летнего зноя.

— Ну, Гришук, поправляйся без меня,— говорил Емеля внуку на прощанье.— За тобой приглядит старуха Маланья, пока я за телёнком хожу...

— А принесёшь телёнка-то, дедко?

— Принесу, сказал.

— Жёлтенького?..

— Жёлтенького...

— Ну, я буду тебя ждать... Смотри, не промахнись, когда стрелять будешь...

Емеля давно собирался за оленями, да всё жалел бросить внучка одного, а теперь ему было как будто лучше, и старик решился попытать счастья. Да и старая Маланья поглядит за мальчиком,— всё же лучше, чем лежать одному в избушке.

В лесу Емеля был, как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда целую жизнь бродит по нему с ружьём да с собакой. Все тропы, все приметы — всё знал старик на сто вёрст кругом. А теперь, в конце июня, в лесу было особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом и лес, и травы, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудно, хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад. Тропинка, по которой он шёл, змейкой взбиралась на гору, минуя большие камни и крутые уступы. Крупный лес был вырублен, а около дороги ютились молодые берёзки, кусты жимолости и зелёным шатром раскидывалась рябина. Там и сям попадались густые перелески из молодого ельника, который зелёной щёткой вставал по сторонам дороги и весело топорщился лапи-

стыми и мохнатыми ветвями. В одном месте с половины горы открывался широкий вид на далёкие горы и на Тычки. Деревушка совсем спряталась на дне глубокой горной котловины, и крестьянские избы казались отсюда чёрными точками: Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о внучке.

— Ну, Лыско, ищи,— говорил Емеля, когда они спустились с горы и повернули с тропы в сплошной дремучий ельник.

Лыску не нужно было повторять приказание. Он отлично знал своё дело и, уткнув свою острую морду в землю, исчез в густой зелёной чаще. Только на время мелькнула его спина с жёлтыми пятнами.

Охота началась.

Громадные ели поднимались высоко к небу своими острыми вершинами. Мохнатые ветви переплетались между собой, образуя над головой охотника непроницаемый тесный свод, сквозь который только кое-где весело глянет солнечный луч и золотым пятном обожжёт желтоватый мох или широкий лист папоротника. Трава в таком лесу не растёт, и Емеля шёл по мягкому желтоватому мху, как по ковру.

Несколько часов брёл охотник по этому лесу. Лыско точно в воду канул. Только изредка хрустнет ветка под ногой или пролетит пёстрый дятел. Емеля внимательно осматривал всё кругом; нет ли где какого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках.

Начало темнеть. Старик почувствовал усталость. Нужно было подумать о ночлеге. «Вероятно, оленей распугали другие охотники», — думал Емеля. Но вот послышался слабый визг Лыска, и впереди затрещали ветки. Емеля прислонился к стволу ели и ждал...

Это был олень, настоящий десятирогий красавец-олень, самое благородное из лесных животных. Вон он приложил свои ветвистые рога к самой спине и внимательно слушает, обнюхивая воздух, чтобы в следующую минуту молнией пропасть в зелёной чаще. Старый Емеля завидел оленя, но он слишком далеко от него:

не достанет его пулей. Лыско лежит в чаще и не смеет дохнуть в ожидании выстрела, он слышит оленя, чувствует его запах... Вот грянул выстрел, и олень, как стрела, понёсся вперёд. Емеля промахнулся, а Лыско взвыл от забиравшего его голода. Бедная собака уже чувствовала запах жареной оленины, видела аппетитную кость, которую ей бросит хозяин, а вместо этого приходится ложиться спать с голодным брюхом... Очень скверная история...

— Ну, пусть он погуляет,— рассуждал вслух Емеля, когда вечером сидел у огонька под густой столетней елью.— Нам надо телёночка добывать, Лыско... Слышь.

Собака только жалобно виляла хвостом, положив острую морду между передних лап. На её долю сегодня едва выпала одна сухая корочка, которую бросил ей Емеля.

III

Три дня бродил Емеля по лесу с Лыском, и всё напрасно: оленя с телёнком не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться с пустыми руками не решался. Лыско тоже приуныл и совсем отощал, хотя и успел перехватить пару молодых зайчат.

Приходилось заночевать в лесу у огонька третью ночь. Но и во сне старый Емеля всё видел жёлтенького телёночка, о котором его просил Гришук: старик долго выслеживал свою добычу, прицеливался, но олень каждый раз убегал от него из-под носа. Лыско тоже, вероятно, бредил оленями, потому что несколько раз взвизгивал и принимался глухо лаять.

Только на четвёртый день, когда и охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя с телёнком. Это было в густой еловой заросли на скате горы. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след в траве.

«Матка с телёнком»,— думал Емеля, разглядывая на траве следы больших и маленьких копыт.— «Сегодня утром были здесь... Лыско, ищи, голубчик!»

День был знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву с высунутым языком. Емеля едва таскал ноги. Но вот — знакомый треск и шорох. Лыско упал в траву и не шевелится. В ушах Емели стоят слова внучка: «Дедко, добудь телёнка... и непременно, чтобы был жёлтенький...» — Вон и матка...

Это был великолепный олень-самка. Он стоял на опушке леса и пугливо смотрел прямо на Емелю. Кучка жужжавших насекомых кружилась над оленем и заставляла его вздрагивать.

«Нет, ты меня не обманешь»,— думал Емеля, выползая из своей засады...

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями.

«Это матка меня от телёнка отводит»,— думал Емеля, подползая всё ближе и ближе.

Когда старик хотел прицелиться в оленя, он осторожно перебежал несколько сажен далее и опять остановился. Емеля снова пополз со своей винтовкой. Опять медленное подкрадывание, и опять скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

— Не уйдёт от телёнка,— шептал Емеля, торопливо выслеживая зверя в течение нескольких часов.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от спрятавшегося оленёнка. Старый Емеля и сердился и удивлялся смелости своей жертвы. Ведь всё равно она не уйдёт от него... Сколько раз приходилось ему убивать таким образом жертвовавшую собою мать. Лыско, как тень, ползал за хозяином, и когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим горячим носом.

Старик оглянулся и присел: в десяти саженях от него, под кустом жимолости, стоял тот самый жёлтенький телёнок, за которым он бродил целых три дня. Это был прехорошенький оленёнок, всего нескольких недель, с жёлтым пушком и тоненькими ножками, красивая головка была откинута назад, и он вытягивал тонкую шею вперёд, когда старался захватить веточку повыше.

Охотник с замиравшим сердцем взвёл курок винтовки и прицелился в голову маленькому животному.

Ещё одно мгновение, маленький оленёнок покатился бы по траве с жалобным предсмертным криком, но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким геройством защищала телёнка его мать, припомнил, как мать его Гришука спасла сына от волков своим телом... Точно что оборвалось в груди у старого Емели, и он опустил ружьё. Оленёнок попрежнему ходил около куста, ощипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнул. Маленькое животное скрылось в кустах с быстротой молнии.

— Ишь, какой бегун... — говорил старик, задумчиво улыбаясь.— Только его и видел: как стрела... Ведь убежал, Лыско, наш оленёнок-то. Ну, ему бегуну, ещё надо подрасти... Ах ты какой шустрый...

Старый долго стоял на одном месте и все улыбался, припоминая бегуна...

На другой день Емеля подходил к своей избушке.

— А... дедко, принёс телёнка? — встретил его Гриша, ждавший всё время старика с нетерпением.

— Нет, Гришук... видел его...

— Жёлтенький?

— Жёлтенький сам, а мордочка чёрная. Стоит под кустиком и листочки ощипывает... Я прицелился...

— И промахнулся?

— Нет, Гришук, пожалел малого зверя... матку пожалел. Как свистну, а он, телёнок-то, как стреканёт в чащу — только его и видел. Убежал, пострел этакий!..

Старик долго рассказывал мальчику, как он искал телёнка по лесу три дня и как тот убежал от него. Мальчик слушал и весело смеялся вместе со старым дедом.

— А я тебе старого глухаря принёс, Гришук,— прибавил Емеля, кончив рассказ.— Этого всё равно волки бы съели...

Глухарь был ощипан, а потом попал в горшок. Больной мальчик с удовольствием поел глухариной похлебки и, засыпая, несколько раз спрашивал старика:

— Так он убежал, оленёнок-то?
— Убежал, Гришук...
— Жёлтенький?
— Весь жёлтенький, только мордочка чёрная да копытца.

Мальчик так и уснул и всю ночь видел маленького жёлтого оленёнка, который весело гулял по лесу со своей матерью, а старик спал на печке и тоже улыбался во сне.

Притча о молочке, овсяной кашке и сером котишке Мурке

Д. Н. Мамин-Сибиряк *Рисунки Е. Гилёвой*

1

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашкой, так и начинается. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

— Я молочко...

— А я — овсяная кашка...

Сначала разговор идёт тихонько, шопотом, а потом кашка и молочко начинают постепенно горячиться.

— Я — молочко!

— А я — овсяная кашка!

Кашу прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

— А я всё-таки овсяная кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша!

Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка не досмотрит, гляди — молочко и полилось на горячую плиту.

— Ах, уж это мне молочко! — жаловалась каждый раз кухарка.— Чуть-чуть не досмотришь,— оно и убежит.

— Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер! — оправдывалось молочко.— Я и само не радо, когда сержусь. А тут ещё кашка постоянно хвастается: я — кашка, я — кашка, я — кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит, ну я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку,— так и поползёт на плиту, а сама все повторяет:

— А я — кашка! Кашка! Кашка!.. ш-ш-ш!

Правда, что это случалось не часто, но всё-таки случалось, и кухарка в отчаянии повторяла каждый раз:

— Уж эта мне кашка! И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно...

2

Кухарка, вообще, довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, что это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила.

Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

— Вот-то ненасытная утроба! — удивлялась кухарка, отгоняя кота.— Сколько вчера ты одной печёнки съел?

— Так ведь то было вчера! — удивлялся в свою очередь Мурка.— А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!

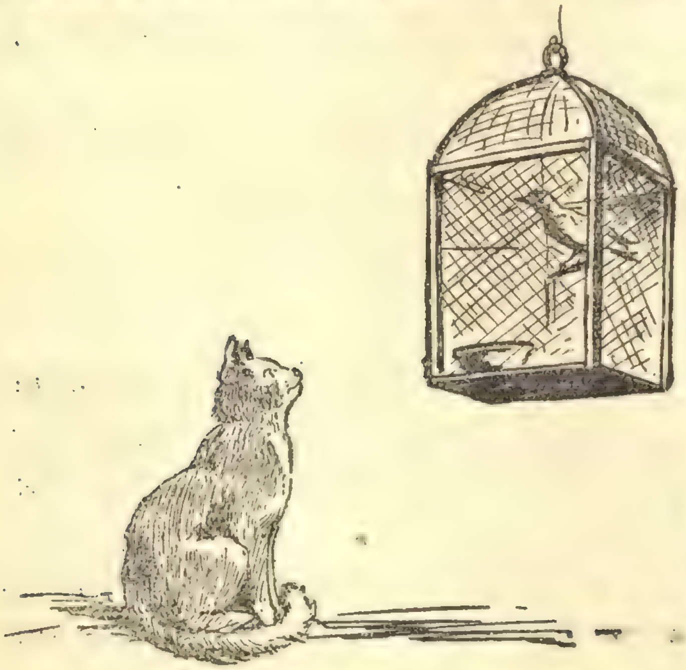
— Ловил бы мышей и ел, лентяй.

— Да, хорошо это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь,— оправдывался Мурка.— Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь... Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась... Ведь это только легко говорить: лови мышей.

Наевшись печёнки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

— Видишь, до чего наелся! — удивлялась кухарка.— И глаза зажмурил, лежебок... И всё подавай ему мяса.

— Ведь я не монах, чтобы не есть мяса,— оправдывался Мурка, открывая всего один глаз.— Потом я и рыбки люблю покушать. Даже очень приятно съесть рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печёнка или рыба. Из вежливости я ем то и другое... Если бы я был человеком, то непременно был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печёнку. Я кормил бы всех котов на свете и сам был бы всегда сыт.



Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

— Я тебя знаю, старый плут! — кричит скворец. Нечего смотреть на меня!..

— А если мне хочется познакомиться с тобой?

— Знаю я, как ты знакомишься... Кто недавно съел настоящего живого воробышка? У, противный!

— Нисколько не противный, и даже наоборот. Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

— Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел,

как ты рассказывал свои сказочки жареному цыплёнку, которого стащил в кухне... Хорошо!

— Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыплёнка, то я его, действительно, съел, но ведь он уже никуда всё равно не годился.

3

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся молочко и кашка. Он никак не мог понять, в чём тут дело, и только моргал.

— Я — молочко!

— Я — кашка! Кашка — кашка, кашшшш...

— Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю,— говорил Мурка.— Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: — я — кот, я — кот, кот, кот... разве кому-нибудь будет обидно?.. Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то молочко и кашка особенно горячо ссорились: ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причём, поднялся ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

— Ну, что я теперь буду делать? — жаловалась она.— Нельзя отвернуться.

Кухарка помешала ложкой молочко и кашку и ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к молочку, подул на него и проговорил:

— Пожалуйста, не сердись, молочко...

Молочко заметно стало успокаиваться. Мурка обошёл его кругом, ещё раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

— Ссориться нехорошо... Да... Выберите меня судьёй, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели чёрный таракан даже поперхнулся со смеха. «Вот так судья... Ха-ха. Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но молочко и кашка были рады, что их ссору, наконец, разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чём дело, из-за чего они спорили.

— Хорошо, хорошо, я все разберу,— говорил кот Мурка.— Я уже не покривлю душой... Ну, начнём с молочка.

Он обошёл несколько раз горшочек с молочком, попробовал его лапкой, подул на молочко сверху и начал лакать.

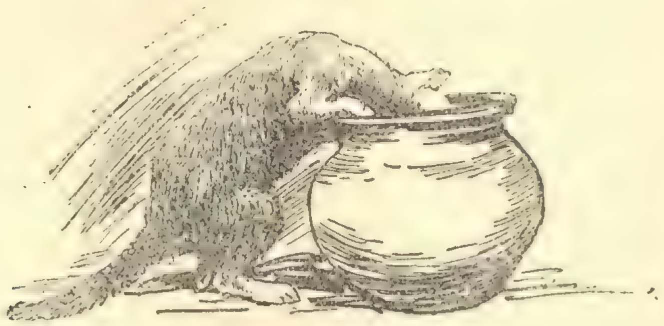
— Батюшки! Караул! — закричал таракан.— Он всё молоко вылакает, а подумают на меня.

Когда вернулась с рынка кухарка и хватилась молока, горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном, как ни в чём не бывало.

— Ах ты, негодный! — бранила его кухарка, хватая за ухо.— Кто выпил молоко, сказывай!

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облизал помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

— Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает.



ИЗУЧАЙ РОДНОЙ КРАЙ

ЗА ГРИБАМИ

В. Батманов *Рисунки Е. Гилёвой*

Утро ясное. Пойдёмте пораньше за грибами. Говорят, что гриб, собранный по росе, самый крепкий. Только условие: собирать по правилам.

Вот и гриб. Ну-ка, что нужно делать? Не торопитесь сорвать его, поспешность ни к чему. Сорвать всегда успеем. Прежде внимательно посмотрите, нет ли ещё грибов поблизости.

Многие породы съедобных грибов: грузди, масленики, рыжики растут не поодиночке, а «грудно». Где есть один гриб, есть и другие недалеко. Их-то второпях можно помять, раздавить.

Когда гриб сидит на месте, он так сливается с землёй, с травой, что пройдешь мимо — и не заметишь.

Вот вам и правило: нашёл гриб, не торопись. Огляди всё кругом внимательно: нет ли ещё грибов этой породы поблизости.

Не каждый гриб нужно брать. Про иной сразу можно сказать — старый. Зачем его трогать. Для еды он не годен: не вкусен, большей частью червив, а иногда от начавшегося гниения

ядовит, им можно отравиться. Пинать его тоже не следует: он ещё сослужит нам службу.

Какая польза от старого гриба? Возьмите его домой, обрежьте аккуратно всю ножку, положите плашмя на лист чистой бумаги пластинками или дырочками книзу (бумагу лучше возьмите цветную, синюю) и сверху прикройте плотно тарелкой или чашкой. Через несколько часов, а ещё лучше на другой день, осторожно поднимите гриб: на бумаге будет насыпана мелкая пыльца. Пыль эта — споры гриба.

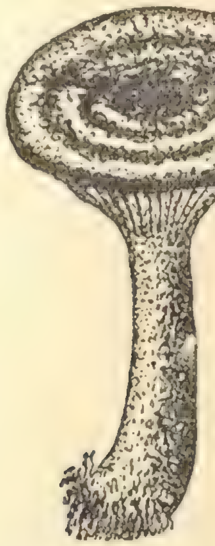
Грибы размножаются спорами. Зерно пшеницы, семячко яблони хорошо видны простым глазом, а отдельную спору простым глазом не разглядишь. Длина споры в сто раз меньше миллиметра.

Дождевик шиповатый

Зато спор много. Знаете, наверно, грибы-дождевики такие белые шарики, иногда почти гладкие, иногда с шипиками и «чёртов табак» —наступишь на него ногой, а из него облако пыли вылетит. Дождевик и «чёртов табак» — один и тот же гриб. Только первый молодой, а второй старый. А облачко пыли состоит из спор. Подсчитали, что у некоторых наших пород дождевиков один гриб дает до шести триллионов спор, а в других странах есть такие, у которых и до ста шестидесяти триллионов спор набирается. Если бы из каждой споры выросло по грибу, от дождевиков деваться было бы некуда: вся земля покрылась бы ими. Но этого не случается. Слишком много условий нужно, чтобы споры грибов прижились и дали новое поколение. Почти все споры погибают.

Возьмём для примера масленик или обабок. Задумывались ли вы когда-нибудь, почему эти грибы растут только в лесу или на опушке леса: рыжик или масленик обязательно в хвойном (сосновом или еловом), а обабки — лишь около берёз. И ещё интересно: одна и та же порода гриба в разном лесу не совсем сходна. Говорят, что белые грибы из берёзового, елового, дубового леса вкуснее, чем из соснового. Еловый рыжик и по виду отличен от соснового.

Не обращали внимания: сорвёшь груздь, а под ним вся земля беловатыми ниточками, как плесенью, покрыта. Да и кругом, если поднять пласт хвои и опавших листьев, тянутся такие же ниточки. Эта «плесень» называется грибницей; она есть под каждым грибом, сорванным нами. Грибница густой сетью ниточек пронизывает землю, высасывает питательные вещества из почвы, растёт в разные стороны и время от времени выходит наружу, образуя плодовые тела, служащие для размножения гриба, для образова-



Рыжик еловый

Рыжик сосновый

ния спор. Таким образом, то, что мы называем грибом на самом деле — только часть его, плодовое тело. Как на яблоне яблоки, так и на грибнице вырастают собираемые нами плодовые тела. Но яблоню каждый видит, а грибница — вся в земле, да и на вид мало приметна. Про неё не каждый и знает.

Теперь думаю, вам понятно, что на грибнице вырастает сразу не один гриб.

Грибницы большинства съедобных грибов тесно связаны с деревьями леса. Их ниточки окружают растущие корешки дерева и частично врастают в них. Такое соединение гриба с деревом называется микоризой. Для чего она существует? Зелёные растения, а значит и деревья, из света солнца и углекислоты воздуха образуют очень важные, необходимые каждому живому существу вещества. Грибы не могут самостоятельно вырабатывать эти

вещества: они получают их через микоризу. Зато грибница гораздо более разветвлена, чем корешки дерева: она полнее выбирает питательные вещества из почвы. Дерево тем или иным способом получает их через микоризу.

Микоризу гриб образует не с любым деревом. Обабок — только с берёзой, маслёнок — главным образом с сосной, рыжик — с сосной и елью. Есть, правда, грибы и с более обширным кругом питающих деревьев: белые растут около дубов, берёз, сосен, елей. В этом случае порода дерева влияет на облик гриба, на его вкус.

Образующие микоризу грибы без дерева жить не могут. Вот почему им и нужно много спор. Ведь спора должна не только залететь в лес, но и упасть около дерева определенной породы, да ещё так, чтобы при прорастании встретиться с молоденькими корешками дерева. Условий много. Большинство спор погибает; лишь немногие дают новое поколение.

Правда, не все наши грибы образуют микоризы с деревьями. У дождевиков, строчков, шампиньонов — грибница добывает всё нужное для жизни прямо из перегноя, навоза. Эти грибы можно встретить далеко от леса, от деревьев: в огороде, на выгонах, пастбищах. Но и у них существуют препятствия, недопускающие чрезмерного размножения.

Дерево без гриба жить может, но и для него наличие микоризы создаёт более благоприятные условия питания, а следовательно и роста. При массовых лесопосадках, особенно на новых местах, учитывают это и стараются разными способами ускорить образование микориз.

Итак, запомните: старые грибы не следует рвать и уничтожать. Пусть себе рассеивают споры и обеспечивают нас грибами на будущие годы.

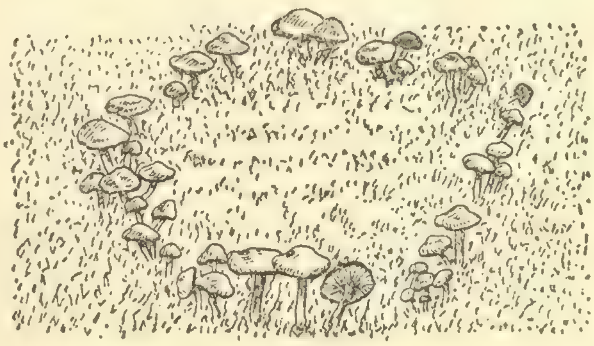
Теперь давайте собирать. Гриб и сорвать надо умеючи. Бывает, идёшь по лесу и не знаешь: не то грузди собирали, не то картошку окучивали. Груздевища все перерыты, вся опавшая хвоя, листья на них собраны в кучи, а где грузди росли — голая земля. Так собирать не следует.

Возьмите картофель. Его летом подкапывают: выбирают клубни покрупнее, но делают это осторожно, стараясь не повредить

растению. А если при подкапывании кусты перевёртывать да так и оставлять, ясно, что они засохнут, и клубней на них больше не будет.

А с грибами не церемонятся. Чтобы найти два-три груздика, перероют всё, и грибницу загубят. Где можно было за лето набрать ещё килограммы груздей, больше ничего не вырастет. Бережно соберёшь сегодня, и завтра будешь с грибами.

Да не только завтра. Грибница живёт не один год. Некоторые грибы растут кольцом. Грибница истощает землю, выбирая из неё питательные вещества, и растёт всегда по направлению к свежей почве, то есть в разные стороны от первоначального места развития. Так и получается кольцо, в середине которого находится истощенная почва с отмершей грибницей. С каждым годом диаметр кольца увеличивается. По величине кольца можно узнать о возрасте грибницы. Находили даже кольца 100—250 и даже 400 лет. Видите, сколько лет может прожить грибница при благоприятных условиях. Конечно, обычно она живёт много меньше: её часто губят, но всё же не один год.



Кольцо луговых опят

Этим многолетием грибниц и пользуются опытные сборщики. Они на память знают места, где грибы хорошо «родились» в прошлые годы. Эти места так и называются «грибное угодье», на них грибов можно собрать во много раз больше, чем в окружающем лесу. Опытный сборщик не губит грибницу, берёт грибы аккуратно и обеспечивает себе хороший сбор из года в год.

Вот и ещё одно правило: собирать грибы бережно, не губить грибницу. Нашёл, например, груздевище. Не переворачивай на нём всё. Внимательно осмотри, где на груздевище видны бугорки. Ощупай каждый бугорок осторожно рукой: нет ли под хвоей груздя. Если есть, сними хвою сверху настолько, чтобы можно было взять гриб. Сам гриб срежь острым ножиком пониже (большого корешка не оставляй) или покрути осторожно гриб кругом, чтобы

отделить его от грибницы. Ямку тотчас же засыпь, пусть грибница не сохнет.

Если нашли хорошее грибное угодье, подсчитайте, сколько можно с него собрать грибов за лето, если брать их аккуратно.

Как поступать со старыми грибами для нас ясно. А с молодыми? Ведь некоторые из них совсем маленькие. Сколько их нужно загубить, чтобы наполнить корзинку. Каждый маленький грибок подрастёт, станет больше, тогда его и возьмём. Маслят со шляпкой в один сантиметр шириной в килограмме тысяча штук, а со шляпкой в шесть сантиметров в 25 раз меньше. Подождать выгодно. Конечно, давать перерастать тоже не следует: маслят «ошлепанов» в килограмме мало: всего 10—15 штук, да они все перезрели и червивы.

Сколько же ждать, пока вырастут маленькие грибки? Грибы увеличиваются в размере быстро. Недаром есть пословица «растет как гриб». Но всё же и они вырастают не в один день, как часто думают. Вот наблюдения над грибом красноголовиком в 1950 году.

Рост гриба красноголовика

День наблюдения	Возраст гриба	Ширина шляпки (в сантиметрах)	Высота гриба от земли (в сантиметрах)
1 сентября 1950	молодой	6	6
5 сентября 1950	»	8	10
11 сентября 1950	старый	14	16
16 сентября 1950	сгнил, остался только корешок		

Гриб рос две недели.

Не все грибы растут одинаково скоро: одни медленнее, другие — быстрее. Разной может быть скорость роста и у одной породы грибов в разные годы, в разные месяцы.

Попробуйте сами понаблюдать за ростом различных грибов. Найдите маленький грибок. Поставьте около него палочку для памяти, но не у самого гриба, чтобы не повредить грибницу. Запишите, сколько сантиметров в диаметре шляпки, какая высота

грибa от поверхности земли. Измеряйте так, чтобы гриба не тронуть, иначе его легко сшевелить с места, и он расти не будет, и записывайте как в приведенной таблице. Зная скорость роста грибов, можно сообразить, через сколько дней можно вновь зайти на это угодье. Съедобных грибов разных пород много: рыжики, белые, сухие и сырые грузди, опята, волнушки, красноголовики, маслята, моховики, обабки, свинухи, свинарки, бычки, поплавки, желтушки, разнообразные сыроежки... Да всех сразу и не перечислишь. Всегда ли эти грибы можно собирать? Далеко не всегда. Грибы, как и другие растения, каждый растёт в своё время.

Строчок обыкновенный

Белый гриб

Маслята

Только сойдёт снег в лесу, отойдёт почва, появляются первые съедобные грибы: очень оригинальные на вид строчки и сморчки. Их собирают весной. В свежем виде эти грибы содержат ядовитые вещества; готовить их нужно умеючи.

В конце весны — начале лета можно найти первые масленики, обабки, белые. Но они попадаются очень редко: не каждый сумеет найти их в это время года.

Чем дальше, тем больше становится грибов. Около середины лета появляются разнообразные сыроежки, бычки, поплавки, высыпают первые обильные слои маслят.

Но массовый сбор грибов обычно начинается позже, во второй половине лета и в первой половине осени. Идут слои груздей:

сухих и сырых, рыжиков и волнушек. Много маслят, обабков, красноголовиков, белых и других грибов.

Обабок

Около начала осени появляются осенние опята. В урожайные годы на старых лесосеках трудно бывает найти пень без их гнезда. И гнезда большие: до 70 штук в каждом. Появляются они очень дружно, несколько дней повсюду около пней лезут молодые опятки. Но как дружно появляются, так дружно и исчезают — массовый сбор длится недолго: неделю — две. Зато опят бывает так много, что в несколько дней соберёшь больше, чем других грибов за всё лето и осень.

В сентябре количество грибов уменьшается, но гриб становится крепче: менее червив. В конце сентября прирост новых грибов резко падает. В начале октября грибов мало и попадаются они не каждый год.

Подосиновик

Осенние опята

Сухой груздь

Но год на год не походит. И сроки появления грибов в разные годы меняются. Первые строчки в 1949 году отмечены 16 мая, а в 1925 — 1 мая, в 1935 году первые маслята были найдены уже 24 мая, а в 1941 году — только 12 июня. Разница большая.

И количество грибов неодинаково. Иной год гриб стоит «мост-мостом», а в другой и опытный сборщик не всегда придёт с полной корзиной. Особенно рано и обильно появляются грибы в годы с тёплым и влажным летом. В засушливые годы первые грибы многих пород начинают появляться только в августе — сентябре, и сбор бывает слабый.

Первых маслят можно найти в конце мая, а последних — в начале октября. Многие породы грибов плодоносят слоями, а не подряд. Обильное плодоношение гриба — слои сменяются периодом, когда грибов данной породы мало или совсем нет: грибница отдыхает после плодоношения.

Хороший сбор грибов бывает только во время слоя. Грибник должен уметь угадывать, начинается слой или идёт к концу. Если много мелких молодых грибов, а старых мало, слой идет в гору. Если, наоборот, мелких, молодых — мало, а старых много, то слой кончается. Если грибница уже отдохнула, то новый слой обычно начинается вскоре после выпадения обильных осадков.

Нужно не только уметь собирать грибы, но и знать, когда и какой гриб можно найти. Это даётся опытом. Понаблюдайте сами. Заведите себе тетрадь-дневник. Расчертите её вот так.

Дневник грибника

Место наблюдения (название деревни, села, города) ____________

Год наблюдения ____________

Порода гриба	Когда найден первый гриб	Дни, когда грибов было		Когда найден последний (неиспортившийся) гриб
		много	мало	
Маслёнок				
Рыжик				
Сухой груздь				

Записывайте в тетрадь свои наблюдения всякий раз, как сходите в лес. Записи делайте по каждой известной вам породе грибов отдельно.

А какие грибы не брать? В лесу, кроме обычных известных вам грибов, растёт множество других. Их называют поганками. Большинство из них тоже съедобны, но они не так вкусны, как съедобные грибы: рыжики, маслята, грузди. Среди поганок могут попасться ядовитые. Все вы, наверное, знаете яркокрасные с белыми точками мухоморы; есть и более ядовитые. Некоторые из них очень вкусны.

Мухомор

Никогда не собирайте для употребления в пищу незнакомые грибы. Да и знакомые, если возникнет сомнение, проверяйте у старших.

Хотите быть хорошими грибниками, наблюдайте, учитесь разбираться, что к чему. На память не полагайтесь. Ведите дневник своих наблюдений. В будущем ваши наблюдения могут пригодиться не только вам, но и науке.

Сведений о скорости роста грибов, времени их появления и исчезновения в различных местностях Союза ещё мало. Не лишними будут и ваши, хотя бы небольшие наблюдения. В конце года аккуратно перепишите набело наблюдения над ростом грибов и пошлите в одно из научных учреждений, собирающих такие материалы.

Куда посылать? Можно в свой Областной краеведческий музей (г. Свердловск, площадь Народной мести. Областной краеведческий музей по фенологии); можно во Всесоюзный фенологический центр (Ленинград, Демидов пер. дом № 8-а. Географическое общество СССР. Фенологическая комиссия имени Д. Н. Кайгородова) и, наконец, Главное научное учреждение по грибам (Ленинград, 22, ул. Попова, 2. Ботанический институт имени В. Л. Комарова Академии наук СССР. Отдел споровых растений). Посылать нужно только точные наблюдения, вами проверенные, и лишь над теми породами грибов, которые вы хорошо знаете.

Учитесь правильно собирать грибы и рассказывайте о правилах сбора другим.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Прилежаева, Будь готов! *статья* 3
И. Даренский, Клятва Ильичу, *стихотворение* . . . 6
С. Михалков, Пионеры, *стихотворение* 8
Е. Ружанский, Я принят в пионеры, *стихотворение* . 11
Н. Тимофеева, Мальчик из уральской тайги, *очерк* . 13
Т. Морозова, Будьте такими, как Павлик, *письмо* . 21
С. Щипачёв, Павлик Морозов, *отрывки из поэмы* . . 22
П. Соломеин, Маленький хозяин, *рассказ* 34
Е. Медякова, Дядя Аким, *рассказ* 41
С. Михалков, Песня о Павлике Морозове 50
У Надежды Константиновны Крупской 52
В. Шустов, На родине Володи Дубинина, *очерк* . . 55
Ф. Тарханеев, У Крутых скал, *рассказ* 62
Н. Куштум, Приезжайте к нам в колхоз, *стихотворение* 69
К. Махров, Секретное дело, *рассказ* 76
Е. Фейерабенд, Вася, *стихотворение* 85
Г. Шумилов, Сатиновая рубашка, *рассказ* 87
Б. Дижур, Волшебные стёкла, *рассказ* 98

Для малышей

Б. Райдерман, Серёжина весна, *рассказ* 106
А. Салынский, Глоточек воды, *рассказ* 109
К. Боголюбов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, *статья* . . . 118
Д. Н. Мамин-Сибиряк, Емеля-охотник, *рассказ* . . 123
Д. Н. Мамин-Сибиряк. Притча о молочке, овсяной кашке и сером котишке Мурке, *сказка* 132

Изучай родной край

В. Батманов, За грибами, *советы натуралиста* . . . 137

Редактор *Л. Чумакова*
Художественный ред. *М. Деменева*
Обложка художника *Е. Гилёвой*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректор *М. Епимахова*

*

Подписано к печати 24/XI 1952 г.
Уч.-изд. л. 8,45. Бумага $70\times92/_{16}$=4,625
бумажного +1 вкл.—10,83 печатного листа.
НС39474. Тираж 30 000. Заказ № 152.

*

5-я типография треста Росполиграфпром
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

2 р. 30 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1952